

**НОВЫЕ
Герои**

**НАШ ЧЕЛОВЕК –
ПОКОРИТЕЛЬ ВСЕЛЕННОЙ**

АЛЕКСЕЙ ЕВТУШЕНКО

ПОКА ЗЕМЛЯ СПИТ

Новые герои

Алексей Евтушенко

Пока Земля спит

«Автор»

2010

Евтушенко А. А.

Пока Земля спит / А. А. Евтушенко — «Автор», 2010 — (Новые герои)

Помните – желания иногда имеют свойство сбываться! Дементий Воробьев, двадцати пяти лет от роду, сотрудник провайдерской фирмы, давно хотел в корне изменить свою судьбу. Но он, разумеется, не предполагал, что невинный выезд на природу с целью попить пивка закончится встречей с инопланетным полицейским и вербовкой в ряды галактического Интерпола. Теперь Дементию предстояло покинуть Землю и внедриться в межпланетную банду похитителей сновидений, принять участие в кровавом противостоянии в системе Торгуна, раскрыть в себе массу неизвестных ранее талантов и встретить самую красивую... Впрочем, лучше читайте книгу!

© Евтушенко А. А., 2010

© Автор, 2010

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	26
Глава 6	33
Глава 7	39
Глава 8	44
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Алексей Евтушенко

Пока Земля спит

Дух торговли, который рано или поздно овладеет каждым народом, – вот что несовместимо с войной.

Иммануил Кант

Часть первая

Глава 1

– Меня зовут Дементий Сергеевич Воробьёв, мне двадцать пять лет, и на сегодняшний ясный день, мать его, я фактически готов бежать из собственной квартиры куда глаза глядят.

Я проговорил эту фразу, усевшись на пустую скамейку во дворе дома, в котором родился и вырос.

Потом закурил и попытался осознать сказанное. Не только разумом, но и душой, сердцем и всем своим существом. Получилось легко. Да и с чего бы оно не получилось? Факты лежали передо мной во всей красе и прятаться никуда не собирались. Вон они факты – поднимись на третий этаж и войди в квартиру номер сто восемнадцать. Глаза б не смотрели.

Беременная третьим ребёнком сестра Лариска, её муж Коля-Николай-сиди-дома-не-гуляй, их дети, непохожие разнополые близнецы-шестилетки Иришка и Мишка и на закуску кот с французским именем Винсент.

А квартирка-то двухкомнатная. С кухней пять с половиной квадратных метров. Общая площадь – сорок два. И шансы на расширение-расселение в ближайшие несколько лет сопоставимы с шансами попасть с завязанными глазами из пистолета в бутылку на двадцати шагах.

А растущим разнополым близнецам требуется жизненное пространство. Которое они, детки-шестилетки, за неимением иных перспектив, активно начинают отвоёвывать у своего дядюшки. То бишь у меня. Не говоря уже о прочих радостях проживания с советских ещё времён в квартире девятиэтажного панельного дома, лучшие годы которого давно позади.

Хуже всего приходилось по выходным.

Например, таким, как сегодня. Воскресенье, начало второго, а в квартире уже скандал. Коля-Николай-сиди-дома-не-гуляй всё-таки сходил в магазин и вернулся не только с хлебом и картошкой, но и с запахом пива-водки. Лариска и вызверилась.

Коля, вообще-то, не алкоголик, но иногда себе позволяет. Мужика, ясен день, можно понять, от такой совместной тесной жизни другой и вовсе забухал бы уже не по-детски, но я-то тут при чём? Терпеть не могу домашних скандалов. Даром, что имя моё – Дементий в переводе с латыни означает «укрошающий», «усмиряющий».

Нет, не усмиритель я беременных третьим ребёнком старших сестёр. Ни разу. И разнополых близнецов-шестилеток тоже. Не говоря уже о наглom рыжем котяре Винсе, который взял моду точить когти о моё любимое рабочее кресло, на котором я сижу за компом. По большому счёту мне это по фигу, конечно, – функциональные характеристики кресла от винсовских когтей не ухудшаются, но всё равно иногда обидно. Какого чёрта я должен сидеть в подранном кресле, приобретённом, между прочим, на свои кровные, честно заработанные денежки?

Сплошное расстройство, в общем.

И это в прекрасный, тёплый и ясный майский день!

Но, если не удастся укротить, а также усмирить или даже просто утихомирить домашних, то следует, вероятно, постараться укротить обстоятельства, которые приводят к столь печальным последствиям.

Подобная мысль не первый раз приходила мне в голову за последние два-три месяца. Но сегодня она не только пришла, а явно требовала выхода. То есть конкретного действия.

Вероятно, именно поэтому я продолжал сидеть на скамейке, душевно страдать и курить уже вторую сигарету подряд.

А что можно сделать в данной ситуации?

Первое, что приходит в голову – позвонить какому-нибудь старому приятелю и устроить психотерапию по-русски. Спиртное-девчонки-похмелье. С одной стороны – заманчиво. С другой – не поможет, знаю по опыту. Ну, в смысле, на какое-то время поможет. Как бы. Но кардинально проблему не решит. А мне надо кардинально.

Ну, и куда крестьянину податься?

Нет, так дело не пойдёт. Вон уже и пожилая соседка Елена Васильевна с моего этажа, не торопясь, выплыла из подъезда, заметила меня, и я даже отсюда вижу, что она собирается сейчас подойти и затеять душевный разговор на тему мира и спокойствия в нашей семье (всё слышит, зараза, за стенкой обитает) и сетовать на то, что моя матушка так рано ушла из этой жизни, а подлец-отец...

На фиг, на фиг!

Я поднялся со скамейки и, кивнув издалека соседке – приветствую, мол, Елена Васильевна, – направился к гаражам.

Гаражи возле нашего дома – это нечто вроде мужского клуба, где всякий причастный может при крайней необходимости получить полный стакан бодрящей (или расслабляющей – как кому ляжет на душу) жидкости, немудрёную закуску, утешение и мудрый житейский совет.

Но отправился я туда не за этим, а за своим скутером, который по взаимной договорённости держал в гараже дяди Юры – моего соседа сверху, владельца двадцатитрёхлетнего, но ещё вполне резвого автомобиля «Фольксваген-пассат». Дядя Юра, значит, предоставлял мне свой гараж, а я за это консультировал его по всем вопросам, связанным с эксплуатацией компьютера, а также работой с Интернетом и некоторыми программами. И все были пока довольны.

Гараж дяди Юры числился под номером «9», а ворота номера «11» были распахнуты настежь, и там несколько членов клуба, судя по громкости и эмоциональной окраске беседы, уже разлили по четвёртой, а то и пятой.

На пару секунд возник соблазн присоединиться, но был мной беспощадно подавлен, – не в том я сейчас настроении, чтобы пить с гаражным братством. Совсем не в том. Так что я ограничился приветствием, сдобренным дежурной улыбкой, вывел на волю скутер, завёл двигатель и отправился за город, к реке.

Город наш по мировым да и российским меркам не слишком велик, но и не совсем мал – три с половиной сотни тысяч жителей. То есть вполне себе город. С заводами, фабриками, банками, учебными и культурно-развлекательными заведениями, вокзалом, аэропортом и всей прочей, положенной городу подобного масштаба, инфраструктурой. Ну и, разумеется, рекой. Как же русскому городу да без реки? Вот к ней я и отправился. Знал я там одно заветное местечко, где шансы побыть наедине с самим собой даже в воскресный майский день были достаточно велики. Именно то, чего мне сейчас как раз и не хватало – побыть одному. Хотя бы некоторое время.

Пивка по дороге я всё-таки прихватил. Четыре банки холодненького светлого. Плюс чипсы и фисташки. Голое пиво лично мне только первая банка-бутылка нормально идёт, потом лёгкая закуска желательна. А то, что за рулём, так скутер – не мотоцикл и, тем более, не автомобиль, права на управление им не требуются. Да и пиво, в отличие от иных спиртных напит-

ков – особенно водки, – выветривается из головы быстро – сорок минут, и можно ехать. Если, понятное дело, не перебарщивать с количеством.

Скорость у моего скутера небольшая – шестьдесят максимум, но этого вполне хватает, чтобы быстро оказаться за городом. А уж по юркости и проходимости с мотороллером (так ещё называют скутер, если кто не знает) разве что велосипед сравнится, да и то не всякий. Так что не прошло и трёх четвертей часа, как я уже сидел на крупном желтоватом песке, имея за спиной полутораметровый обрывчик, сразу за которым начинался лес, а прямо перед собой речку Бобровую. После весеннего паводка она уже фактически вошла в свои обычные берега, но купаться было пока рановато, – середина мая в наших широтах холодновата для этого. Даже с учётом глобального потепления. Да я и в любом случае не купаться сюда приехал, а всего лишь поразмышлять в одиночестве над своей не слишком удачной – особенно в последнее время – жизнью.

Огонь и текущая вода.

Всё правильно. Созерцание этих двух субстанций, говорят, всегда помогало людям обрести спокойствие, укрепить дух и принять верное решение. Или, на крайний случай, просто отрешиться от забот и тревог, что тоже немаловажно.

Когда пива во второй банке осталось на треть и опустел один пакетик фисташек, мысли в моей голове по поводу возможного изменения собственной жизни, наконец, приобрели видимость некоего порядка. Во всяком случае, я уже довольно чётко мог их распределить по четырём основным пунктам.

1. Поменять работу. То, чем я занимаюсь сейчас – подключение новых пользователей к Интернету в качестве техника провайдерской фирмы, хоть и оставляет довольно много свободного времени, но денег приносит, скажем прямо, недостаточно для того, чтобы снимать отдельную квартиру и при этом не отказывать себе в самом необходимом. Тут следует заметить, что к самому необходимому я отношу не только еду и одежду, но также возможность покидать родной город на период отпуска, время от времени угождать любимым на данный момент девушкам, общаться с друзьями и пользоваться современными средствами развлечения, работы и связи, к которым я отношу комп, мобильник, ЧСГ (моя собственная аббревиатура, означающая электронную читалку-слушалку-гляделку) и прочие гаджеты, без которых нормальную жизнь сегодняшней молодёжи – и не только! – трудно себе представить. Но как это сделать практически? Я хорошо знаю свой город. Не так много тут мест, где платят приличную зарплату. И не во всех этих местах завтра же меня примут с распростёртыми объятиями. А в некоторые я и сам не пойду.

2. Уехать в другой город. Например, в Москву. Там, по слухам, молодому человеку с моим умением и желанием трудиться можно найти адекватно оплачиваемую работу. Но здесь у меня куча знакомых разной степени близости и несколько друзей, а там я практически никого не знаю. Страшновато, если честно. Да и хоть какие-то деньги нужны на первое время. У меня же всех запасов и накоплений хватит разве что на плацкартный билет до столицы и то в один конец.

3. Заняться бизнесом. Очень интересная мысль. И не первый раз меня посещает. Но вслед за ней всегда возникает один и тот же вопрос: достаточно ли я люблю деньги, чтобы решиться их не зарабатывать, а делать? Не знаю. Нет у меня ответа. Пока нет. А раз нет, то и мысль эта, получается, бесплодна. Может быть, когда-нибудь она и послужит толчком для последующих действий, но сейчас... Да и каким бизнесом, скажите на милость? Перепродажа? Производство-торговля? Сервис? Не говоря уж о том, что для занятий бизнесом необходим начальный капитал, коего у меня, как было сказано выше, нет и в обозримом будущем не предвидится.

4. Жениться на девушке с приличными жилищными условиями. То есть с отдельной квартирой. Желательно двухкомнатной. А лучше трёх. Пожалуй, самая приятная и удобная

мысль из всех. Но только на первый взгляд. Объяснять надо? Вот и я думаю, что нет. И так всё ясно. Я, конечно, прагматик и циник, но не до такой же степени, чтобы не понимать: жениться надо на человеке, а не на квартире. Иначе слишком велик риск получить чистый ад вместо красивой и свободной жизни.

Я воткнул недопитую банку в песок и поднялся, чтобы размять ноги. А заодно и отлить.

Шум моторов на другой стороне реки привлёк моё внимание, когда я застегивал ширинку. Не знаю, почему я спокойно не вышел на открытое пространство, чтобы удовлетворить своё любопытство, а остался за деревом. Вероятно, инстинктивно. Раз уж захотел с самого начала побыть один, то зачем светиться? Вот и не стал. На своё счастье.

Два чёрных джипа остановились наверху бывшего песчаного карьера, расположенного на противоположном берегу речки. Хлопнули дверцы. Пара здоровенных шкафообразных представителей рода человеческого выволокли из машины третьего – худого, длинного, на подгибающихся ногах. Поставили у края обрыва, отошли. Ещё двое из второй машины, оглядевшись по сторонам, достали из-под пиджаков оружие. Ну, или нечто весьма напоминающее оружие – отсюда не разглядеть.

Я прилёг за деревом, стараясь дышать тихо и через раз.

Да-да-дах-дах-да-да-дах!!

Выстрелы разорвали воздух и практически слились в один.

И вот уже тот, кто только что стоял, пошатываясь, на краю обрыва, кувыркается вниз и застывает на песке у кромки воды, подобно безжизненному манекену. Ни крика, ни стога.

Четверо наверху молча рассаживаются по машинам и уезжают. Я перевожу дыхание и уже собираюсь достать мобильник, чтобы звонить в милицию, но тут «труп» начинает шевелиться, затем вползает в воду и плывёт...

Бывший песчаный карьер расположен выше по течению относительно того места, где я затаился за деревом, и само течение не очень быстрое. Да и ширина Бобровой не превышает тут полусотни метров. Так что расстрелянный на моих глазах человек выбрался из воды аккуратно напротив меня. Как по заказу. Ну, выбрался, не совсем верно сказано. Наполовину. Туловище уже на песке, а ноги ещё в воде. Лежит вниз лицом и снова не шевелится. Но дышит – отсюда слышно. С хрипом и присвистом.

Ёжик в тумане, и что делать?

Я тщательно оглядел противоположный берег. Кажется, уехали окончательно. Да, надо было им всё-таки не полениться, спуститься вниз и произвести контрольный в голову. Не было бы проблем ни у них, ни у меня. Ни, тем более, у этого мужика. Какие могут быть проблемы у мертвеца? Надо, однако, что-то предпринимать, а то ведь и впрямь помрёт...

На то, чтобы перевернуть тело на спину и выволочь его из воды, много времени и сил не понадобилось – дядька оказался не особо тяжёлым. Хотя какой там дядька. Скорее, парень. Судя по лицу, лет на пять старше меня. Гладкий, правильной формы череп без малейшего признака волос, тонкий длинный нос, бледные губы. Глаза закрыты (ни бровей, ни ресниц, кстати), кожа на вид плотная, с непонятными, едва заметными узорами-разводами лилового акварельного оттенка. Татуировка? Странная какая-то татуировка, никогда не встречал ничего похожего. На груди, сквозь лохмотья разорванной выстрелами куртки, проступает какое-то чёрно-бордовое месиво с лимонно-жёлтыми, полупрозрачными, будто древесная смола, потёками.

Блин. Кошмарное зрелище. Вот уж не думал, что огнестрельные ранения могут так жутко и странно выглядеть.

Надо бы, наверное, его хоть как-то перевязать и вызвать «Скорую». Бинт у меня в аптечке точно есть. И перекись. Сейчас...

Я полез в карман за мобильником.

– Никого не зови, – отчётливо прохрипел раненый. Его длинные тонкие пальцы нашли и с нешуточной силой вцепились в мой рукав. – Отнеси меня в лес. Оттащи. Как угодно. Сейчас. Сам не могу. Больно.

Он умолк, часто и неглубоко дыша, затем добавил:

– Пожалуйста, хороший человек. Очень прошу.

Не знаю, почему я послушался. Было в его тоне что-то такое... убедительное, что ли. Убедительное и одновременно располагающее. Как-то сразу мне стало понятно, что он не бредит, говорит осознанно, и мне, если хочу помочь, и впрямь нужно сделать, как сказано, – взять и отнести этого человека в лес. Благо далеко нести не надо. Да и ещё, вероятно, это странное обращение «хороший человек» тоже оказало своё действие. После этого как-то не хочется выглядеть человеком плохим.

Решено – сделано.

Во мне метр семьдесят восемь сантиметров роста, шестьдесят девять килограммов веса, и я, скорее, ловкий, нежели сильный (до армии, в институте, пока не выгнали, занимался боксом и даже дотянул до первого разряда). Но поднял я раненого без особого труда, снова удивившись, что он довольно лёгок. Полцентнера, не больше.

Но и пятьдесят килограммов далеко на руках не унесёшь. Впрочем, далеко и не пришлось.

– Здесь, – сказал он, когда я углубился в лес десятка на полтора шагов. – Положи меня.

Я присел, опустился на колени и аккуратно, как мог, уложил его прямо на свежий весенний мох, который здесь густо устилал землю. Пощупал рукой. Может, и холодновато, но точно сухо. И мягко.

– Не уходи, – попросил он. – Не бросай. Мне будет нужна. Твоя. Помощь.

Надо же. Помощь ему будет нужна. Моя. И как это я сразу не догадался? Это уже становится интересным. И уж всяко лучше водки отвлекает от невесёлых мыслей о настоящем и ближайшем будущем.

Я полез в карман за сигаретами и вытащил пустую пачку. Ладно, в скутере есть ещё. И пиво, кстати, тоже. Самое время хлебнуть пивка для успокоения нервов и выкурить сигаретку.

– На пять минут отойду, – сказал я, надеясь, что это прозвучало достаточно независимо. – Сигареты только возьму и тут же вернусь.

Человек медленно открыл и снова закрыл глаза (они у него оказались удивительного тёмно-фиалкового цвета). Я счёл это согласием и поспешил к скутеру, оставленному под деревом неподалёку.

Глава 2

На часы я не смотрел, но не думаю, что прошло больше пяти минут. Скорее всего, даже меньше. Скутер был хоть и в стороне, но совсем рядом, искать мне его не пришлось. Я взял банку пива из багажника под сиденьем, пачку сигарет и тут же вернулся. Однако изменения, которые произошли с раненым за это короткое время, оказались настолько кардинальными, что я поначалу, как это ни избито звучит, натурально не поверил своим глазам. Но поверить, в конечном счете, пришлось. А что бы вы сделали, если, находясь в трезвом – две банки пива не считаются – уме и твёрдой памяти, обнаружили, что оставленный лежать в лесу на пять минут человек принял вертикальное положение и... как бы это сказать... врос в землю?

Не знаю, почему я не убежал тогда. Чего было проще? Верный скутер – вот он, рядом и на ходу. Заводи, крути ручку на себя и поминай, как звали. Какая речка, какая стрельба, какой такой раненый? Не знаю, не был, не видел, сидел дома за компьютером, в игрушку играл, по Интернету шарился.

Но я не убежал. Думаю, любопытство победило страх. И ещё... ответственность, что ли. Я ведь фактически пообещал ему, что вернусь и помогу. А нарушать данное слово не в моих правилах.

Хотя испугался я здорово, это правда.

Да и кто бы не испугался.

Значит, когда я вернулся с пивом и сигаретами, он уже не лежал, а стоял. Сначала я подумал, что чуваку стало лучше, но быстро отказался от этой мысли. Потому что ему не стало лучше. Ему стало *по-другому*.

Его ноги каким-то невероятным образом срослись (сначала я думал, что мне показалось, и лишь некоторое время спустя понял – так оно и есть) и погрузились в землю почти до колен. Руки он держал прижатыми локтями к бокам и кверху ладонями, словно ловя ими солнечные лучи, пробивающиеся сквозь юную майскую листву. Добавьте к этому неподвижную бритую голову с лиловатыми узорами на коже (за время моего отсутствия они, кажется, проступили ярче) и широко открытыми немигающими фиалковыми глазами, и получите представшую передо мной картину.

– Эй, – позвал я громким шепотом, – ты чего? Ты в порядке?

Терпеть не могу эту кальку с американского «you o'key?», но в ту минуту она сама сорвалась с языка.

Он ничего не ответил.

Вот это называется «прирос к месту», подумал я. В прямом смысле слова.

– Тебе помочь?

Я бросил банку с пивом и шагнул ближе, намереваясь ухватить этого страннейшего чудака за локти и постараться вытащить. Почему-то мысль о том, что есть опасность и самому провалиться по колени в землю, в голову мне не пришла.

– Стой. Не трогай. Жди.

Нет, не прохрипел. Проскрипел он сквозь едва приоткрывшиеся губы.

И тут, как это ни покажется странным, я успокоился. Не в том смысле, что потерял интерес к происходящему. Нет. Интерес как раз только усилился. Просто решил для себя, что раз уж столкнулся со столь непонятными и удивительными вещами, то нужно постараться воспринять их от начала до конца без лишней суеты и глупостей, которые чаще всего с этой самой лишней суетой идут бок о бок.

Что ж, подождём, посмотрим.

Как раз и ствол дерева поваленный очень удобно рядом подвернулся. Подобрал я пиво, уселся на ствол, банку откупорил, глотнул разок-другой, закурил и принялся наблюдать. Спокойно и даже в какой-то степени отстранённо.

Потом я не раз думал о том, что произошло бы, застань нас кто-нибудь в лесу за этим занятием: один сидит, прихлёбывает пиво, курит сигаретку и разглядывает второго, ушедшего в землю по колено и медленно, но, тем не менее, заметно – то есть на глазах, – превращающегося... в дерево.

Именно в дерево, по-другому не скажешь. Хоть дерево лично мне и незнакомое, раньше такого не встречал ни в живом виде, ни на фото, ни на видео.

Жуткое было, на самом деле, зрелище.

Жуткое, но в то же время притягательное. Как будто напялил на голову продвинутый шлем виртуальной реальности и смотришь эпизод из фантастического фильма. Только ещё круче. Потому что никакого шлема и близко нет, и реальность вокруг меня самая что ни на есть настоящая, а не виртуальная. Хоть ты её трогай, хоть нюхай, хоть на зуб пробуй.

К тому времени, как я допил банку и выкурил две сигареты, человек превратился в дерево окончательно.

Лопнув, свалились на землю остатки одежды. Трансформировались, а затем и вовсе исчезли ноги, руки и голова. Я видел перед собой развороченный выстрелами с одной стороны, примерно на уровне груди, древесный (или весьма напоминающий древесный) ствол обхватом примерно с человеческое тело и высотой, опять же, со среднего роста мужчину. Опирался ствол на пять увязших в земле корней-лап, а заканчивался тоже пятью довольно толстыми и длинными ветвями. Чуть ниже росло с десятков веток потоньше и покороче, усеянных продолговатыми и узкими, напоминающими ивовые, листьями цвета морской штормовой волны. На самом верху, между пятью длинными и толстыми ветвями, виднелось полусферическое, сложенное из пяти (снова пять!) сегментов-лепестков образование, назначение которого мне пока было непонятно. Впрочем, скажем прямо, мне вообще ничего не было понятно. А значит, и страшно. Но, как было уже замечено, страх я успешно давил и держал в узде. В отличие от острого любопытства, которое просто клокотало во мне и требовало удовлетворения. Так, закипевшая в кастрюле вода требует или выключить огонь, или начать уже, наконец, варить суп.

«Кажется, Дементий Сергеевич, вы хотели изменений в своей скучной жизни? – в какой-то момент подумал я. – Что ж, наверное, господь услышал ваши молитвы. То, что вы, Дементий Сергеевич, сейчас наблюдаете, есть самый натуральный феномен, который наверняка может круто изменить вашу жизнь. И к бабке не ходи. Вот и пользуйтесь».

Ровно в тот момент, когда опустела последняя банка с пивом, дерево, ещё сорок минут назад бывшее человеком, со мной заговорило:

– Спасибо.

Голос, как мне показалось, раздался из этого самого, непонятного назначения полусферического образования между ветвями.

– Не за что, – ответил я, отмечая, что не особо удивлён тому, что со мной разговаривает дерево. Почему бы и нет, в конце концов? По сравнению с тем, что я уже видел, это сущая ерунда.

– Есть за что, – не согласилось дерево. – И, надеюсь, будет ещё. Снова повторяю. Мне нужна твоя помощь.

Голос у него был высокий, чуть тягучий, но вполне различимый. Он действительно шёл оттуда, откуда мне показалось с самого начала, теперь я убедился в этом окончательно, – лепестки подрагивали в такт словам и звукам. Я подумал, что таким голосом, вероятно, мог бы разговаривать Буратино, и едва сдержал нервный смешок.

– Что за помощь?

– Сначала скажи, как тебя зовут.

– Дементий. А тебя?

– Зови меня Марк.

– Забавно, – сказал я.

– Что именно?

– У нас обоих латинские имена. Хотя я подозреваю, что на самом деле тебя зовут по-другому. Верно?

– Не знаю, что такое латинские имена, но знаю, что просто так ничего не бывает. И, если наши имена в чём-то похожи, то это не зря. Символично и всё в этом роде. Настраивает на оптимистичный лад. Я рад этому. А моё настоящее имя... Понимаешь, оно слишком длинное и неудобовоспринимаемое для человеческого уха. Поэтому...

– Да бог с ним, не парься. Марк так Марк. Нормальное имя. Откуда ты, Марк? С другой планеты или какого-то иного измерения? У нас, на Земле, таких существ, как ты, точно нет.

– Это долгий разговор, Дементий, а мне сейчас трудно говорить. Сначала нужно залечить раны. Ты не мог бы принести мне воды из речки? Пары банок хватит.

– Сейчас.

Я наполнил пивные банки водой и вернулся в лес.

– Тебя полить или как? – спросил и сам удивился той лёгкости, с которой общался с этим существом. Полить, надо же. А что насчёт удобрений? Я вновь еле удержался от того, чтобы не рассмеяться. Ёжик в тумане, этого Марка только что на моих глазах чуть не убили, а я тут хаханьки развожу. С другой стороны, осуждать меня нельзя. Защитная реакция психики. Чтобы не сбежать и не двинуться умом, пытаюсь шутить. Пусть про себя и не совсем удачно, но всё-таки.

– Дай мне, – сказал он и протянул две ветви. Будто щупальца.

– Держи, – я отдал банки – концы ветвей и впрямь, словно щупальца, ловко оплели жёсть – и отступил на полшага.

– Спасибо.

Он выпил сначала одну банку, затем вторую.

Выглядело это так. Ветвь-щупальце поднимало банку над полусферическим образованием. Лепестки раскрывались, подобно цветочному бутону. Банка опрокидывалась, вода из неё лилась куда-то внутрь ствола. Всё.

– Ещё хочешь? – спросил я.

– Пока хватит. А вот поесть бы надо. Это ускорит регенерацию. У тебя с собой ничего нет случайно?

Я вспомнил о чипсах.

– Чипсы будешь?

– Для меня это чистая отравка. Да и для вас тоже, если разобраться.

– А что ты ешь?

Он помолчал, словно раздумывая. Хотя почему «словно»? В том, что это существо разумно и думать умеет, лично у меня сомнений не было.

– Ты далеко живёшь? – спросил он в ответ.

– В городе.

– Сюда приехал или пришёл?

– Приехал. У меня скутер. Ну... мотороллер.

– Отлично. Мне потребуется какая-то одежда. Сможешь привезти? И что-нибудь на ноги. Стоимость я возьму. И вообще, о деньгах не волнуйся, деньги есть.

«Это хорошая новость, – подумал я. – Потому что у меня их практически нет».

– А пожрать? – осведомился я. – Ты так мне и не сказал, что ты ешь.

– Привези сырого мяса. С полкило. Лучше свинины, но сойдёт любое. И пару банок сгущенного молока. Думаю, этого хватит. Термос есть?

– Найду.

– Тогда кофе. Крепкий, сладкий. Если можно, с коньяком. Из расчета десять к одному.

– Что-нибудь ещё? Сегодня у нас в меню изумительное фисташковое мороженое. Рекомендую.

– В каком ещё меню? – удивился он. – А, понимаю, это шутка. Нет мороженого не надо. Лучше аспирин. Три или даже четыре таблетки.

– Аспирин у меня и тут есть, – сказал я. – В аптечке.

– Вот теперь я вижу, что тебя и впрямь бог мне послал. Тащи его сюда прямо сейчас!

На то, чтобы съездить домой, затариться, упаковаться и вернуться, я истратил около двух часов. И ещё полтора ушло, пока Марк употребил всё привезённое, усвоил его и начал снова превращаться в человека.

Обратная трансформация заняла совсем немного времени, и вскоре передо мной стоял абсолютно нормальный на вид только голый парень. Отставить. Не совсем нормальный. То есть совсем ненормальный. Отсутствовало самое главное. Вместо него – какой-то непонятный бугорок или шишка, сразу и не разобрать. К тому же рассматривать это место пристально мне было неловко.

– Держи, – я протянул Марку пакет с одеждой и старыми кроссовками. – Ты выше меня ростом, но, надеюсь, подойдёт.

– Спасибо.

Он быстро оделся. Джинсы оказались коротковаты, но в целом сидели нормально. В конце концов, мы не на званую вечеринку собрались. Кстати, а куда мы собрались? И вообще, что дальше?

Я открыл было рот, чтобы задать эти вопросы вслух, но Марк остановил меня движением руки.

– Тише, – полушёпотом сказал он. – Слышишь?

– Что?

– Там, – он показал рукой в сторону реки. – Вроде бы машины подъехали.

Я повернул голову и прислушался. Едва-едва, на грани восприятия, но, кажется, и впрямь хлопнули дверцы автомобиля. Ага. Теперь голоса. Неразборчиво, но явно возбуждённо и даже, пожалуй, зло. А вот камень покатился вниз и увлёк за собой ещё несколько.

Не сговариваясь, мы пригнулись и двинулись к реке, стараясь не шуметь. У Марка это получалось гораздо лучше, чем у меня. Казалось, он не шёл, а тёк между кустов и деревьев, и я подумал, что это естественно – лес, судя по всему, родная стихия для него. Как море для дельфина.

К берегу мы подобрались крайне осторожно, чуть не ползком. И не зря. Те, кто стрелял в Марка, вернулись. На этот раз на трёх машинах. И пятеро уже шумно спускались с обрыва к реке, подымая пыль и обрушивая вниз песок и мелкие камни, а ещё двое стояли наверху, и один весьма красноречиво молчал, надменно держась чуть в стороне, а второй размахивал руками и громко отдавал приказы:

– Обыскать всё до последнего дерева, идиоты! Он не мог уйти далеко!

«Идиоты» – все пятеро – тем временем весьма успешно преодолели обрывистый спуск и, не раздеваясь, как были – в одежде и обуви, полезли в воду. С явным намерением поскорее оказаться на нашем берегу.

«Уходим!» – показал я Марку, и он кивнул, соглашаясь.

Нет, хороший у меня скутер, что ни говори. Надёжный. Движок завёлся с полпинка, и вот мы уже покидаем опасную территорию со скоростью пятнадцать... двадцать... тридцать... тридцать пять километров в час. Ногами теперь не догнать. Да и с какой стати? Нас не видели,

только слышали звук мотора. Откуда им знать, кто тут отдыхал на берегу речки и теперь, когда спустился майский вечер, решил вернуться домой? Так-то оно так, но если немножко подумать... Мост через реку здесь один, миновать его, чтобы попасть в город, мы никак не можем. Значит, там легко устроить засаду и посмотреть, кто именно поспешно убрался на мотороллере или лёгком мотоцикле (звук мотора выдаст примерный объём цилиндров любому мало-мальски знающему человеку) с левого берега реки именно в тот момент, когда пятеро крутых ребятшек решили там пошукать кое-кого небудемпоказывать пальцем. Ну а представить себе дальнейший сценарий не составляет особого труда. И называть этот сценарий вдохновляющим лично я бы не стал. При любом раскладе.

– Куда едем? – осведомился, я, полуобернувшись.

– Село Гратово знаешь?

– Приблизительно. Проезжал мимо пару раз.

– Бензина до него хватит?

Я прикинул расстояние до Гратово.

– Даже если не хватит, там по дороге есть заправка.

– Тогда давай туда, в Гратово. А там я пальцем покажу.

– Надеюсь, в лесу нам ночевать не придётся? Вечер уже.

– Не тревожься. Всё должно быть нормально. Главное – доехать.

Эх, хотелось бы верить! Одно я знаю совершенно точно – с каждой минутой, действительно, всё интереснее. Позвонить, что ли, домой, предупредить, что ночевать, возможно, не приду? Нет, рано ещё. Неизвестно, как дальше сложится, нечего зря сеструху волновать. Она и так беременная, нервная. Хватит с нас всеобщего утреннего скандала.

Зачем-то я живо представил себе, как сестра Лариска обзванивает больницы, морги и отделения милиции в поисках пропавшего брата, и ощутил укол жалости.

Вот же ёжик в тумане, что за ерунда в голову лезет! Во-первых, не станет она звонить ни в какие морги, что я всегда, что ли, дома ночую? Не всегда. И не всегда предупреждаю об этом. Редко, да, но бывает всякое. И потом, конечно же, позвоню. Но позже. Сейчас и правда рановато. Да и несподручно – рулить надо.

Вот, к слову, и трасса.

Направо – к мосту и в город, налево – в область.

Я пропустил какой-то старенький запылённый по самые фары «Пежо» и повернул налево.

Глава 3

Расклад был такой. Солнце на закате, полбака бензина и максимальная скорость сорок пять километров в час. Больше при такой нагрузке никак, всё-таки нас двое, а скутер у меня хоть и хороший, но рассчитан, в принципе, на одного человека. Вдвоём – это на крайний случай и, желательно, не очень долго.

Крайний случай – вот он, прямо сейчас и проистекает, а насчёт долго... Я не помнил точного расстояния до села Гратово, и карты у меня с собой, разумеется, не было.

Приблизительно километров двадцать. Ну, двадцать пять. Полчаса ходу, если ничего не помешает. Дай бог и тьфу-тьфу не сглазить.

– Что там у тебя в Гратове? – спросил я через плечо. – Космический корабль?

– Не в самом Гратове. Рядом. Как ты догадался?

– Я не догадался. Наугад выстрелил и попал.

– Выстрелил?

– Ну, не в прямом смысле. Это вроде как образное выражение. Знаешь, что такое образное выражение?

– Конечно. Извини, я сразу не понял. Недавно на вашей планете, и русским языком владею не в полной мере.

Вот же ёжик в тумане! Недавно он. На нашей планете. Русским языком он, видите ли, не в полной мере владеет. Многие мои ровесники и не только они могли бы позавидовать такому владению. В том случае, разумеется, если бы владение русским языком входило в их систему ценностей. Дёма, ты, вообще, осознаёшь, что происходит? Воскресным майским вечером ты пилишь по загородной трассе на своём верном скутере, имея за спиной натурального инопланетянина, который нуждается в твоей помощи. Это не сон, не кино и не компьютерная игрушка. Это самая что ни на есть реальная реальность. Разве что в выпитом мною пиве неким совсем уж невероятным образом оказался растворён ЛСД или иной, сильно меняющий восприятие окружающей действительности наркотик, и теперь я на самом деле валяюсь на песочке возле кромки воды, и всё это – и встреча с древесным человеком Марком, и теперешнее наше бегство от бандитов-убийц, происходит только в моём воспалённом мозгу.

Несомненно, предположить нечто в этом роде я имею полное право. Но каковы шансы на то, что данное моё предположение окажется верным? Скажем честно, они мизерны и ничтожны. С другой стороны, и шансы встретить майским днём на берегу реки Бобровая инопланетянина, за которым, к тому же, ещё и охотятся какие-то весьма тёмные и опасные типы, признаемся, тоже весьма и весьма невелики. К нулю стремятся эти шансы. Так что же, какие шансы выше, а, Дёма? ЛСД в пиве, купленном в самом обычном гастрономе областного центра, или всё-таки преследуемый врагами инопланетянин на берегу реки? М-да. Так сразу и не скажешь. Да и не сразу, пожалуй, тоже. Остаётся одно: действовать так, как будто всё это происходит на самом деле. Потому что иной выбор чреват самыми тяжёлыми последствиями. В конце концов, любой наркотик со временем из организма выветривается. А вот бандитская пуля – это вряд ли.

Занятый этими и другими мыслями, я не забывал поглядывать в зеркало заднего вида. Основная часть машин на трассе шла из области в город – люди возвращались с дач к началу рабочей недели. Но и нас время от времени нагоняли и обгоняли различные по качеству и возрасту изделия отечественного и зарубежного автопрома. Чёрных джипов любой марки среди них пока не попадалось, и я молил бога, чтобы так оставалось и впредь.

Молитва не была услышана.

То ли я молился недостаточно усердно, то ли бог оказался занят какими-то срочными и важными делами и пропустил мою просьбу мимо ушей, но факт остаётся фактом: чёрный

джип показался далеко сзади в тот момент, когда до села Гратово по моим расчетам оставалось не более пяти километров.

Я увидел его мельком в закатных лучах солнца. Здесь дорога по широкой дуге поворачивала направо и шла чуть в гору, огибая лесной массив на возвышенности, так что с переломной точки поворота, как раз перед тем как обзор тебе перекрывала кромка леса, открывался хороший вид на уходящее далеко-далеко за спину шоссе.

Отличный обзор, всё, как на ладони, одного взгляда достаточно, чтобы понять – это таки джип. Чёрный. Один. И он нагоняет. В том, что нагоняет, нет ничего особенного – нас все нагоняют и обгоняют, если они не на своих двоих, велосипеде или телеге с лошастью. А вот то, что это джип, да ещё и чёрный... В свете недавних событий – настораживает. Мягко говоря.

Марк тоже заметил джип. Я это понял по его словам:

– Видел? Сзади.

– Видел.

– У нас максимальная скорость? – спросил он и тут же продолжил: – Извини, не сдержался. Может быть, это не они.

– Хотеть не вредно, – сказал я. – И надеяться тоже. Но то, что нас заметили – и к бабке не ходи. Только не спрашивай меня, к какой бабке, ладно?

– Я понимаю, что ты хочешь сказать.

Он помолчал и ободряюще добавил:

– Мы уже совсем недалеко. Скоро будет наш поворот в лес. Ещё километр или чуть больше.

Обнадёжил, ёжик в тумане.

Я выжимал из мотора все его невеликие лошадиные силы до последнего ватта. Но уж больно мало было этих ватт. Эх, знал бы, что попаду в такую ситуёвину, купил бы скутер помощнее. И ведь были деньги, были. Нет, решил, что хватит и такого, а остаток пустил на апгрейд компа. Чёрт, может, всё-таки не они? Мало ли чёрных джипов в нашем городе и окрестностях! Ох, вряд ли. Пятой точкой чую, что надеждам нашим не суждено оправдаться. А она, пятая точка, у меня чувствительная.

В зеркале заднего вида пока отражалась пустая трасса, но я всем своим существом ощущал приближение недружественного джипа. Вот сейчас он вылетит из-за дальнего поворота, и тогда между нами останется три сотни метров ровного асфальта, не больше. Хорошо, пусть три с половиной или все четыре сотни. Это уже вряд ли будет иметь значение. И ведь не свернёшь даже при желании – и справа, и слева такие кюветы с водой, что разве танку под силу их преодолеть.

Ещё немного, ещё чуть-чуть, ещё капельку...

А, дьявол, вот он!

Мигает фарами, гад. Значит, видит. И значит, это всё-таки они. Показывают, что нам не уйти.

Я поймал себя на том, что пытаюсь ещё хоть на полмиллиметра выкрутить ручку газа. Бесполезно. Упор полный и окончательный.

– Ну и где же этот твой грёбанный поворот, Марк?! – проорал я, выплёскивая из себя вместе с криком бессильную и бесцельную злость.

– Вон отдельная сосна справа у края дороги, видишь? Сразу за ней.

В голосе Марка не слышалось особого напряжения. Что это – умение владеть собой или я чего-то не догоняю? Ладно, хрен с ним, не до этого сейчас.

Ага, повернуть-то мы, пожалуй, успеем. Но вот что дальше...

Дальше всё происходило стремительно и неотвратимо. Наверное, примерно так чувствуют себя те, кто решается преодолеть в бочке Ниагарский водопад. Отступать и сворачивать некуда – только вперёд.

Не знаю, сколько оставалось метров до наших преследователей, когда мы сразу за сосной ушли вправо, на грунтовку. Может быть, двести, но, скорее всего, меньше. Сто пятьдесят. Небольшая фора, но здесь уже очень важная. Потому как на виляющей из стороны в сторону грунтовке со всеми её буграми и колдобинами, в отличие от более-менее прямой асфальтированной трассы, преимущество в мощности и скорости резко уменьшается. Не хочешь влететь мордой в ствол дерева, будь любезен сбавить обороты.

Уменьшается – да. Но не сходит на нет.

Направо, налево, снова направо.

Марк крепче обхватил меня поперёк туловища. Правильно, иначе не удержаться. Хотя я предпочёл бы сейчас на его месте симпатичную девчонку с третьим или даже четвёртым номером бюста. Пару бутылок вина в багажнике. И никаких чёрных и прочих джипов на хвосте.

Правая рука занемела на рукояти газа. В других обстоятельствах я бы уже врубил свет, но сейчас не стану, – рык наступающего нас джипа всё ближе.

– Через сто, сто пятьдесят метров будет тропа налево! – кричит над ухом Марк. – Сворачивай туда!

Тропа – это хорошо. По тропе джипу, надеюсь, не проехать. Но до неё нужно ещё добраться.

Мы почти успели.

Ну, то есть совсем-совсем почти.

Наверное, не хватило буквально трёх секунд и соответствующего малого расстояния.

Грунтовка здесь шла относительно прямо и ровно, и выскочившие из-за поворота недруги как следует наддали (а уж наддать им, в отличие от нас, было чем). Краем глаза я отметил неотвратимо приближающиеся фары и подумал, что, пожалуй, всё-таки успею нырнуть на нужную тропку до того, как нас просто-напросто протаранят, как сквозь смешанный вой-рык двух моторов – скутера и джипа, донёсся звук – как будто за спиной разорвали старую простыню.

Я машинально вжал голову в плечи.

Марк закричал и дёрнулся. Раз и другой.

О, боже...

– Держись, Марк!

Я сбросил газ, затормозил и с заносом, оттолкнувшись от земли левой ногой, развернул скутер носом к тропе.

Нет, не пройти здесь машине, слишком узко. Очень хорошо, потому что...

Старую простыню разорвали в третий раз за сегодня и второй раз подряд, и тут же вслед за этим грохнули пистолетные выстрелы.

Дах! Да-дах! Да-дах!

Резкая обжигающая боль впилась в левый бок под ребро.

Снова вскрикнул Марк. Тонко и жалобно, словно котёнок, которому неосторожные взрослые дверью прищемили лапу.

Газу!

Выноси, родимый, выноси...

Вслед стреляли, но попасть в нас было уже сложно.

Я мчался по тропе, низко пригнув голову и почти ничего не видя перед собой. Не столько из-за того, что солнце уже почти полностью скрылось за горизонтом, и здесь, в лесу, сгустился плотный вечерний сумрак, сколько из-за мутного, желтоватого с прозеленью тумана перед глазами, который с каждым мгновением усиливался. Вместе с головокружением и тошнотой. Эдак ещё пара секунд, и я грохнусь в обморок.

Пожалуй, надо тормозить, иначе...

Скутер вырвался на поляну. Посреди неё подпирал вечернее небо высоченный и мощный, с раскидистой кроной и стволом во все три обхвата, дуб. Вплотную к нему притулилась избушка не избушка – бревенчатый одноэтажный домик с двускатной крышей. То ли охотничий, то ли лесничего, то ли непонятно чей.

– Здесь, – слабо, но внятно произнёс Марк. – Видишь хижину? Нам надо попасть внутрь и запереть дверь на засов. Тогда будем в безопасности.

Задавать любые вопросы у меня не было сил. Их хватило ровно на то, чтобы выполнить просьбу Марка. Или это был приказ? Не важно.

Скутер я бросил у крыльца и, волоча на себе раненого инопланетянина (второй раз за сегодня, да что же это такое!), с матом на губах от воющей боли в боку и подкатывающей к сердцу липкой тошноты, поднялся по трём ступенькам, ввалился в низкую дверь (внутри открылась – какое счастье!), уронил Марка, захлопнул дверь, задвинул железный засов и только после этого, с чувством выполненного долга, сполз на пол, уже не стараясь ухватиться ни за стены, ни за стремительно покидающее меня сознание, последним слабым огоньком в котором мигала, затухая, мысль о том, что домой я так и не позвонил и сестра Лариска будет волноваться.

...Очнулся я от страшной жажды.

Пить хотелось так, что предложи мне в этот момент враг рода человеческого за кружку холодной воды продать свою бессмертную душу, я, пожалуй, согласился бы. Не говоря уже о таких пустяках, как родина или последние штаны.

Попытался облизнуть губы, понял, что, в силу отсутствия слюны, легче от этого не станет, и открыл глаза.

Опаньки. Говорят, чудес не бывает, но вот этот стакан у моего лица разве не самое настоящее чудо?

Я приподнялся на локте, ощутив при этом во всём теле какую-то поистине фантастическую лёгкость, отобрал стакан у Марка (это был он) и выхлебал всё до капли в две секунды.

– Ещё? – осведомился инопланетянин. – Воды полно, не стесняйся.

– Пока хватит, спасибо.

Огляделся.

Комнатка без окон размером с малюсенькую каюту дешёвого класса на теплоходе, сошедшем со стапелей ещё в советские времена. Окрашена, правда, в приятные глазу салатные тона. В комнате, не считая пола, стен, потолка и двери, имеется что-то вроде кушетки, занятой, собственно, мной любимым, и некоего подобия табуретки, на котором восседает Марк.

Я повертел в руке стакан и за неимением другой свободной поверхности поставил его на пол.

– Где это мы?

– Тебе как ответить, коротко или развёрнуто?

– Мне, пожалуйста, коротко и ясно. Для начала. А там посмотрим.

– Мы на моей базе. А база расположена на вашей Луне и, собственно, представляет собой космический межзвёздный корабль. Так нормально?

– Сойдёт, – кивнул я и сел на кушетке, откинув невесомое одеяло. – Всегда мечтал побывать на Луне.

Ага, трусы на мне. Теперь бы одеться, что-нибудь пожрать – что-то у меня после утоления жажды аппетит разыгрался, – и можно выяснять, что же всё-таки с нами и со мной лично произошло. Хотя не обязательно именно в такой последовательности.

Странно, но известие о том, что мы находимся на Луне, не слишком меня взволновало. Нет, на самом деле, взволновало, ясен день. Но не так, чтобы все мои мысли только этим теперь и были заняты. Вероятно, из-за того, что я голоден и не одет. Потому что у абсолютного большинства людей физические потребности всегда отодвинут на второе место потребности...э-

э... духовные. Если, конечно, потребность удовлетворения любопытства можно назвать духовной.

И всё-таки я не удержался от немедленного удовлетворения любопытства. А именно: встал с кушетки и подпрыгнул, вытянув руки вверх. Высота комнатухи, думаю, составляла не менее трёх с половиной метров, но я легко коснулся пальцами потолка и плавно, как во сне, отлетел вниз, словно весил не шестьдесят девять килограммов, а... Погодите-ка, братцы, а сколько же я сейчас, получается, вешу?

– В тебе сейчас весу, наверное, килограммов одиннадцать-двенадцать, – словно прочитав мои мысли, заметил Марк. – Масса, разумеется, осталась прежней. Это я к тому, что ты, надеюсь, понимаешь разницу между массой и весом. Потому как от данного понимания зависит успех твоих передвижений в условиях шестикратно пониженной по сравнению с земной гравитации.

– Будь проще, – посоветовал я ему, – и люди к тебе потянутся. Это я к тому, что не стоит выражаться столь витиевато. А то я, не дай бог, заработаю комплекс неполноценности, и тебе станет затруднительно со мной общаться.

Марк рассмеялся и тут же болезненно охнул, ухватившись рукой за поясницу.

– З-зараза... Крепко меня всё-таки эти сволочи зацепили, – пробормотал он. – До конца ещё не регенерировался. А ты как себя чувствуешь?

Я немедленно вспомнил и осмотрел левый бок. Бок как бок. Гладкий, в меру прохладный и совсем не болит. А ведь огнём горел.

– Что с нами было?

– Меня дважды чуть не убили, и тебе тоже пуля досталась. Навылет.

– Пуля? Да, припоминаю, кажется, в нас и впрямь стреляли.

– Стреляли-стреляли, можешь не сомневаться. Из плазмотрона и пистолета.

Я ещё раз, более внимательно, осмотрел бок и на этот раз с большим трудом заметил светлое пятнышко, которое при определённом напряжении воображения можно было принять за след от пули.

– Ясно. То есть ничего не ясно. Слишком много вопросов. Твои превращения, погоня, какой-то плазмотрон, Луна, регенерация... К тому же жрать охота неимоверно, да и одеться бы не мешало. Не привык я в одних трусах ходить. На тебе-то, вон, штаны и рубашка.

– Всё здесь, – он поднялся, ткнул пальцем в какое-то углубление в торцевой стене, часть её немедленно ушла в сторону, и там обнаружился встроенный шкаф. – Одевайся и выходи. Я буду в коридоре.

Он покинул комнату.

Ишь, ёжик в тумане, деликатный какой...

Вся одежда, кроме майки, была моей. И кроссовки тоже мои.

Видимо, прежняя майка после того, как я схлопотал пулю, пришла в негодность. Дырка, кровь и всё такое. Ну и бог с ней, невелика потеря.

Я быстро оделся, обулся, пожалел, что здесь нет зеркала, провёл рукой по подбородку (неплохо бы, кстати, побриться и плеснуть в лицо воды, но это, так и быть, подождёт) и вышел за дверь, где меня ждал мой крайне интересный во всех отношениях новый знакомый.

Глава 4

Всё происходящее напомнило мне то ли какое-то полузабытое фантастическое кино шестидесятых годов прошлого века, то ли впечатления от книги того же времени и жанра. Причём не наших авторов. Смесь Голливуда и Хайнлайна.

«Луна, – думал я, шагая вслед за Марком и стараясь на ходу приноровиться к другой силе тяжести, что было совсем непросто: тело, с рождения привыкшее жить на Земле, не желало автоматически принимать новые условия. – Спутник Земли. Другая планета, ёжик в тумане. Это надо же. Посмотреть бы хоть одним глазком...»

Я как раз примерился задать соответствующий вопрос, когда недлинный коридор закончился, дверь перед нами бесшумно ушла в стену, и мы, как мне показалось в первое мгновение, шагнули прямо под чёрное небо Луны, в котором с совершенно естественным видом сияли бесчисленные звёзды и висела Земля в три четверти, освещая отражённым солнечным светом мертвенные скалы на горизонте и лунную пыль с торчащими из неё камнями различной формы и величины.

Уже через секунду я сообразил, что это круглый в плане зал, то ли накрытый прозрачным куполом, то ли огороженный со всех сторон неким сплошным обзорным экраном, работающим в режиме онлайн¹. Нет, вру, не сплошным. Пять расположенных по периметру арочных дверей, словно бы ведущих непосредственно в лунный пейзаж, сигнализировали моему почти обманутому сознанию о том, что всё нормально, я нахожусь в помещении, где поддерживается комфортная для моей жизнедеятельности температура и есть пригодный для дыхания воздух.

Ну и, разумеется, пол. Зеркально гладкий, с разбросанными там и сям странными образованиями, более всего напоминающими шестиугольные клумбы, покрытые на вид самой настоящей травой, он, как и двери, был явно искусственного происхождения.

– Итак... – начал было мой спутник бодрым голосом и умолк, оглядывая помещение.

– Что-то не так? – поинтересовался я.

– Всё нормально. Сейчас будет.

Он замер и едва заметно пошевелил губами, будто что-то пробормотал про себя.

– Подождём чуть-чуть, – повернулся он ко мне с улыбкой. – Это я виноват. Не подумал.

В чём именно он виноват и о чём не подумал, я догадался, когда через четверть минуты одна из дверей, открывшись, перестала быть таковой, и в зал сами собой вплыли круглый столик с будто приклеенными к нему двумя тарелками и двумя стаканами и две круглые одноногие табуретки, наподобие тех, которыми пользуются пианисты. Только белого цвета. Как во сне, они проследовали по воздуху над полом до одной из шестиугольных клумб, посреди которой возвышался стол на одной ножке, и там утвердились.

– Прошу, – сказал Марк и направился к столу, видимо, ни секунды не сомневаясь, что я последую за ним.

Так оно и случилось.

– У нас тоже принято говорить тосты, – Марк поднял стакан. – Правда, их значение несколько отличается от вашего, человеческого. Это своего рода просьба к Создателю... Не важно. В данном случае я скажу ваш человеческий тост. Давай, за знакомство. Пей и ешь смело, не отравишься, гарантирую.

– Верю, как себе. За знакомство!

Мы чокнулись.

¹ В режиме онлайн – в режиме реального времени (*интернет-термин*).

Помнится, лет двенадцать назад, когда была жива ещё бабушка Аня – мамина мама, она из добытого мной в марте берёзового и кленового сока приготавливала обалденный квас. Этот напиток был на него чем-то похож. Правда, градусов изрядно побольше, примерно, как в светлом пиве. А в тарелке оказалось нечто вроде не слишком аппетитного на первый взгляд голубоватого желе с наполнителем из разноцветных горошин, которые смешно лопались во рту, оставляя после себя удивительно свежий, чуть кисловатый вкус.

Впрочем, следует признать, еда оказалась весьма сытной – мне хватило буквально четырёх ложек, чтобы утолить первый жёсткий голод.

– Так это, значит, ваша база, – утвердительно заметил я, проглотив пятую ложку и запив её «квасом». – Впечатляет. Не пойму только, это стены и потолок прозрачные или изображение подаётся снаружи?

– Стены. Извини, я сразу не подумал. Если раздражает или каким-то иным образом мешает, можно убрать прозрачность. Полностью или частично.

Иным образом мешает – это как? Пугает, что ли?

Я огляделся.

Звёзды над головой и Земля в три четверти мне нравились по-прежнему, но вот сам лунный пейзаж, скажем прямо, уже поднадоел. Уж больно экзотичен.

Теперь, когда первое ошеломляющее впечатление улеглось, я предпочёл бы что-нибудь поспокойнее. Например, обычные голые стены.

Об этом и сообщил Марку.

Тот понимающе кивнул, снова пошевелил губами, словно отдавал неслышный приказ, и вокруг стало по моему желанию – теперь нас накрывал светящийся неярким желтоватым светом купол из неизвестного материала, который вполне можно было принять за металл, пластик и даже бетон со специальным покрытием.

– Так хорошо?

– Нормально, – кивнул я. – Хоть мне и неловко, что пришлось тебя побеспокоить.

– Пустяки. Ты гость, я хозяин. Значит, обязан беспокоиться, чтобы тебе было удобно и комфортно.

– Приятно слышать, что вы чтите законы гостеприимства, – я машинально полез в карман за сигаретами и зажигалкой, но вовремя остановился и спросил: – Удобство удобством, но курить здесь, как я понимаю, не рекомендуется?

– Увы, – он развёл руками. – Мы, лируллийцы, не курим. Но дело, как ты понимаешь, не только в этом.

– Понимаю. Очистка воздуха от табачного дыма слишком трудоёмка.

– И это тоже.

– А что ещё?

– Зажжённая сигарета – потенциальный источник огня. То есть угроза пожара. Если бы ты хотя бы приблизительно представлял себе, что такое пожар на борту космического корабля, то и спрашивать ни о чём не стал.

– Ясно, – вздохнул я. – Ладно, перетерпим.

– Спасибо. Очень нас всех обяжешь.

– Да не проблема. Мало ли мест нынче, где курить нельзя! За границей так и вовсе чуть ли не везде. Буду считать, что я за границей. Хотя Луна в этом смысле никому не принадлежит, а значит, и за границей официально считаться не может... – я чувствовал, что на меня напала нервная и неуместная словоохотливость (интересно, это действие «кваса», запрет на курение, фантастическая обстановка или что-то ещё?) и попытался придержать коней моего красноречия. – Так вы, значит, называете себя лируллийцами?

– Да. Наша планета имеет название Лирулла. А мы, соответственно, лируллийцы.

– Ага. Как мы – земляне, потому что планета Земля. Но мы ещё и люди. А вы? То, что я наблюдал там, в лесу, – я ткнул пальцем в потолок – туда, где, как мне казалось, в лунном небе висела Земля, – подсказывает, что твой человеческий облик – лишь умелая маскировка, – я поднёс стакан ко рту, обнаружил, что он пуст и поставил его обратно на стол.

– Даже удивительно, – сказал Марк. – Такое впечатление, что ты чуть ли не каждый день встречаешься с инопланетянами. Ещё твинна?

– Сам удивляюсь, – признался я. – Наверное, слишком много фантастики читаю. Так это называется твинн? Приятный напиток. Да, пожалуй, ещё от стакана я бы не отказался.

И опять мне показалось, что Марк отдал некий беззвучный приказ. Мой пустой стакан оторвался от стола и уплыл мне за спину. Я обернулся, провожая глазами самолетающую посуду. Стакан исчез за дверью, а вместо него из-за той же двери появился другой, полный, и направился тем же манером к нашему столу.

– Прямо как в сказке, – прокомментировал я происходящее.

– Никакого волшебства, – заверил меня Марк. – Всего-то немножко антигравитации и компьютерных технологий.

– Понятно. Про сказку я так, к слову пришлось. Давай дальше. Если вы не гуманоиды, то кто?

– Точнее всего, наверное, будет называть нас разумными деревьями, – сказал Марк. – Или растениями. Хотя за миллионы лет эволюции от растений у нас осталась лишь способность к фотосинтезу и умение вращаться в землю. Собственно, это ты и наблюдал.

– Ну, не только это на самом деле.

– Ты про смену внешнего облика?

– Вот именно. Каков ваш истинный, природный, так сказать, облик?

– Истинный – как раз тот, что ты видел. Ствол, пять подвижных ног-корней, ветви-щупальца и ветви-сенсоры наверху. Ну, и всё прочее. Тебя интересует подробное анатомическое устройство наших организмов наряду с физиологией?

– Пожалуй, – сказал я. – Но с этим можно немного обождать. А как вы научились столь быстро и качественно трансформироваться? Вот ты сидишь сейчас передо мной, пьёшь, ешь, и я не могу отделаться от мысли, что ты человек. Кожа, зубы, глаза, пропорции... Идеальная мимикрия. Ну, если не считать отсутствия волос и ресниц. Что, тоже эволюция?

– Она, – улыбнулся Марк. – Вы, люди, просто очень пока ещё молодая раса и не знаете, на что способно иное разумное существо, чья эволюция насчитывает хотя бы два-три миллиона лет. В вашем летоисчислении, разумеется.

– А вы, значит, старая раса? Кстати, ты так мне и не сказал ваше самоназвание. Лируллийцы – это по названию планеты. А по сути? Мы – люди. Человеки. А вы?

– И мы люди. Все разумные расы в обитаемой Вселенной называют себя одинаково – люди.

– Как это может быть? – не поверил я.

– Очень просто. Любое самоназвание в переводе на русский язык будет означать «люди». Не понимаю, чему ты удивляешься. Если подумать, это естественно.

– Да, наверное, – я поскрёб небритую щёку. – Просто надо привыкнуть.

Наша беседа протекала легко, приятно и с большой пользой. Уж не знаю, что именно этому способствовало в большей мере: слабоалкогольный напиток под названием «твинн», природное обаяние лируллийца Марка или мой позитивный настрой. Скорее всего, всё вместе и в одинаковой степени. Как бы то ни было, но скучно мне за время нашего общения не стало ни разу, и узнал я массу интереснейших вещей. А именно:

1. Человечество не одиноко во Вселенной вообще и галактике Млечный Путь в частности. Отнюдь. И многие разумные расы не просто сотрудничают между собой с разной степенью успешности, но самые продвинутые из них даже консолидированы в нечто вроде Галактиче-

ского Союза (он же Галактическое Сообщество) с имеющимся у него законодательно-исполнительным органом под страшно оригинальным названием Галактический Совет.

Всегда это подозревал. Но, согласитесь, одно дело подозревать и совсем иное – знать точно. Подобная информация, наверное, должна ошеломлять до полного изумления, но я, как было уже замечено, не слишком ошеломился. Так, в меру. Соображалка и запоминалка не отключились ни на секунду. Даже, наоборот, весьма и весьма обострились.

2. Земля, по меркам Галактического Союза-Сообщества, – самое что ни на есть захолустье Млечного Пути. В прямом и переносном смысле. Сектор, в котором расположена наша Солнечная система, малонаселён, здесь почти нет цивилизаций. А те, что имеются, так же, как человечество, недостаточно развиты для того, чтобы принимать их всерьёз.

Здесь Марк пустился было в пространные объяснения, суть которых сводилась к простой мысли: «Мы уважаем вас, как разумных существ, но откусывать от галактического пирога вам, ребята, рановато ещё, поскольку вы дальше собственного естественного спутника и носа не казали», но я его остановил.

– Не надо, Марк, – сказал я ему. – Возникает впечатление, что ты оправдываешься. С какой стати? Я не хуже тебя понимаю, что уважение и статус просто так не даются. Их надо заслужить. Мы вон промеж собой договориться не можем по, казалось бы, простейшим вопросам, – чуть что сразу за оружие хватаемся и кровь свою и чужую льём, словно воду. Куда уж нам с таким воспитанием в Галактическое Сообщество!

– Рад, что ты это понимаешь, – ответил Марк. – Хотя должен сказать, что всё не так однозначно. Если ты думаешь, что в ГС не бывает разногласий и не доходит до пролития своей и чужой крови, то ошибаешься.

– Что, неужели воюете?! – изумился я.

– Да как тебе сказать... – замялся лируллийец. – Прямо уж до войн, чтобы раса на расу и космофлот на космофлот, последнее время не доходит. Но стычки бывают. Разной степени... э-э... тяжести.

Я хотел его спросить, какой именно срок он имеет в виду под словосочетанием «последнее время», но передумал. Захочет, сам расскажет. Да и не важно это, в общем. Немедленно вспомнился короткий диалог из бессмертной комедии Леонида Гайдая «Операция «Ы» и другие приключения Шурика»:

«– У вас на стройке несчастные случаи были?

– Нет.

– Будут!»

Несложная ассоциация, в общем-то, на поверхности лежит. Но не совсем уместная. Судя по тому, что сказал Марк, несчастные случаи на галактической стройке бывают и без всякого участия Земли. Иное дело, что с нами их почти наверняка стало бы больше.

3. Лируллийцы², по словам моего собеседника, на сегодняшний день самая древняя разумная раса в Галактике. Инициаторы создания Галактического Сообщества и Совета. Еще в ту далёкую-предалёкую эпоху, когда эти существа осознали себя разумными, они уже обладали замечательной способностью к регенерации и трансформации. Оказывается, если лируллийцу оторвать, к примеру, пару ног-корней или рук-щупалец, то он довольно быстро отрастит себе новые. Также при необходимости представитель этой удивительной расы может принять вид чего угодно.

От обычного клёна в подмосковном лесу или котика на морском побережье до самого настоящего живого человека.

Лируллийцы путешествовали среди звёзд в те времена, когда и человека-то, как такового, не было на белом свете. За развитием земной цивилизации они наблюдают давно, но ни в коем

² Подробнее о лируллийцах см. роман автора «Человек-Т, или Новые приключения экипажа «Пахаря»».

случае не вмешиваются. Ну, то бишь не вмешиваются на серьёзном уровне, потому как само присутствие наблюдателей уже означает в некотором роде вмешательство.

– Это как в квантовой механике, – блеснул я эрудицией. – Принцип неопределённости Гейзенберга. Тот, кто наблюдает за процессами в микромире и пытается их измерить, неизбежно на эти процессы влияет.

– Почему только в микромире? – удивился Марк. – Везде так, – он подумал и добавил: – И к бабке не ходи.

Я засмеялся и похлопал в ладоши.

– Молодец, быстро учишься.

– Стараюсь, – с довольным видом улыбнулся он и продолжил: – Вот мы, как я уже сказал, за вами вроде бы только наблюдаем, а получается, что вмешиваемся. Взять твоё присутствие здесь, на Луне. Чем не вмешательство? Ты же, получается, исчез. Родные беспокоятся, на работу не пришёл. Значит, реакция неизбежна. Начнут искать.

– Вот же ёжик в тумане! – хлопнул я себя по лбу. – Сеструха Лариска! Она ж беременная, ей нельзя волноваться. Как чувствовал, хотел вчера позвонить, но подумал, что потом. А потом, как мы знаем, наступил полный суп с котом.

– Суп с котом, – пробормотал Марк. – Надо запомнить.

– Ты, главное, запомни, что бывает он не сразу, а только потом, – усмехнулся я. – Так и говорят. Потом, мол, бывает только суп с котом.

– Честно говоря, не очень понимаю, – пожаловался Марк.

– В том смысле, что, если сразу важное дело не сделать, потом уже чаще всего бывает поздно.

– Ага. Да, это так и есть.

– Слава богу. Слушай, вы же продвинутая в техплане цивилизация, так?

– Если по сравнению с вами, то – да.

– А нельзя как-то отсюда сообщить моим, что со мной всё в порядке? Совру что-нибудь. Например, что подвернулась срочная шашка. Хрен с ним с начальством на работе, ему я потом что-нибудь набрешу, но хотя бы сеструхе. Ты понимаешь, я вчера сдуру поругался с ней, и теперь, когда ночевать не пришёл и, главное, не позвонил, она бог знает что может подумать.

– Не вижу особых препятствий. Лучше послать эсэмэс-сообщение. Напиши, я передам в рубку, мои товарищи отправят.

– Отлично. А поговорить, как по телефону, нельзя?

– Вообще-то можно, но неудобно. Потому что с голосом возникнет почти трёхсекундная задержка, а это будет трудно объяснить.

– Задержка?

– Скорость электромагнитных волн, – пояснил Марк коротко, – и расстояние от Земли до Луны и обратно.

– Чёрт, верно, я и забыл. Кстати, о расстоянии и прочем. Каковы ваши и наши дальнейшие действия? Вы меня возвращать на Землю собираетесь? И, если собираетесь, то когда?

– Вот! – поднял в потолок длинный палец Марк. – Правильные вопросы и вовремя заданные. Как раз об этом я и хотел с тобой поговорить. А всё то, о чём мы беседовали до настоящего момента, было лишь прелюдией.

– Интригующе звучит.

– А то!

– Я слушаю. Только давай сразу к делу, ага? Не люблю, когда долго ходят вокруг да около.

– Что ж, это устраивает. Я и сам не люблю. Сразу так сразу.

Мы встретились глазами, и я не прочёл в его фиалковом взгляде ничего кроме спокойной доброжелательности.

– Скажи, Дементий, – спросил инопланетянин, чуть помедлив, – ты не хотел бы на нас поработать?

Глава 5

Неожиданное предложение. Это, если сказать мягко и быстро. Не задумываясь об оригинальности и образности формулировки. То есть штампованно. Ну, штампованно так штампованно, не до оттачивания стиля мышления сейчас. Ишь ты, ёжик в тумане, поработать на них... Интересно, что он имеет в виду? Банальный шпионаж? Вряд ли. Нет, здесь уместно не сомнение, а явное отрицание. Какой, на хрен, шпионаж с их техническим превосходством и умением принимать идеальный человеческий облик? Они и сами шпионы – лучше некуда. Да и какой с меня прок, как со шпиона? Что я могу? Смешно. Хотя, как понимать слово «шпионаж»... А лучше всего и вовсе это словцо исключить временно из лексикона. Потому как я хоть и не лингвист, но понимаю, что отдаёт словечко Уголовным кодексом. Стоп-стоп. Какой ещё Уголовный кодекс, Дёма, ты что? Шпионаж – это по-любому преступление против отечества в пользу иного государства. Насколько я понимаю, инопланетян представителями другого государства считать нельзя. Или можно? Наверное, всё-таки нельзя. Для этого их нужно признать... как это... физическими лицами. То есть людьми. Хомо сапиенсами. А это, думаю, проблематично. Или нет? Чёрт, не юрист я совсем. Да и вообще, не о том думаю. Всё-таки плохо, что у них здесь нельзя курить. Самое время сейчас выкурить сигаретку. Эх, давно ведь хотел бросить, да так и не собрался. Может, и в самом деле пора? А что. Вот вернусь на Землю и брошу. В конце концов, жизнь моя, чувствую, меняется кардинально, так почему бы не поменять и эту её не самую полезную составляющую?

Я вытащил пачку, достал сигарету, понюхал её, сунул обратно, положил пачку на стол, взял стакан, отхлебнул.

– Что за работа? – спросил с нарочитой небрежностью.

– Не шпионаж, – сказал Марк, – не волнуйся.

– Ты что, мысли читаешь, лирулла? Предупреждать надо, вообще-то.

– Бог с тобой. Какие мысли? Этого никто в Галактике не умеет. Ну, почти. Общее настроение мы уловить можем. Как и вы, впрочем. Иногда, наверное, это получается лучше, чем у среднего человека. Но не более того. Ты что, и впрямь подумал, что мы предложим тебе шпионаж?

– Была думка. Но я её со всей решительностью отмёл. Не факт, что вам это нужно.

– На самом деле нужно, – усмехнулся он. – В какой-то мере. Но ты прав. Я хочу тебе предложить другую работу. Мне почему-то кажется, что ты для неё подходишь, и она для тебя подойдёт тоже. Вполне законную и, что немаловажно, хорошо оплачиваемую. Очень хорошо. Хотя, вынужден признать, и связанную с определённым риском.

– Кто не рискует, тот не пьёт шампанское, – сказал я. – Излагай. Внимательнейшим образом тебя слушаю.

И Марк начал излагать.

Если коротко, то суть рассказанного лируллийцем сводилась к следующему. Он, Марк, не учёный и не наблюдатель-разведчик. Он – полицейский. Представитель специальных галактических полицейских сил и выполняет на Земле свою работу. Ловит преступников. Не простых, ясен день, а тоже галактических. Если уж быть совсем точным – контрабандистов.

– Контрабандистов? – удивился я. – Так они что же, незаконно вывозят с Земли какой-то товар?

– Да. Очень редкий и дорогой.

– Во как. И что за товар, если не секрет?

– Никаких секретов. Этот товар – ваши человеческие сны.

– Наши... что? – мне показалось, что я ослышался.

– Сны. Сновидения. Те самые удивительные, невероятные, фантастические, жуткие, прекрасные, смешные, печальные, эротические, высокодуховные, цветные, чёрно-белые, со звуком и без него картины и приключения, которые большинство из вас, людей, видят и переживают каждую ночь.

– Сновидения. Надо же. То есть вы научились их как-то записывать и передавать?

– Не мы, другая раса. Лируллийцы вообще не спят, в вашем человеческом понимании этого слова. И, увы, не видят снов. Если не показать. Но не важно, кто именно изобрёл ту или иную технологию. Важно то, насколько она доступна, а также, кто и с какой целью её использует. В данном случае технология записи сновидений находится в открытом доступе. Но пользуются ею незаконно.

– Да кто пользуется-то?

– Каравос Раво³. Раса космических бродяг. Или кочевников, если ты приверженец корректных формулировок. И не вся раса, понятное дело, а лишь отдельные её представители. Которые, тем не менее, частенько сбиваются в самые настоящие преступные сообщества, кланы и банды, насчитывающие сотни и тысячи членов.

– Организованная преступность на просторах Галактики? – засмеялся я. – Забавно. Мне почему-то казалось, что цивилизации, способные совершать межзвёздные путешествия, должны были покончить с этой заразой.

– Так и есть, – подтвердил Марк. – Ну, в основном. Общая преступность у рас, входящих в Галактическое Сообщество, не превышает определённого уровня. И уровень этот весьма низок. Но дело в том, что каравос Раво – это особая раса. «Скитальцы Бога» – так, собственно, переводится каравос Раво, шляются по Галактике очень давно. Когда-то они и вовсе были вне закона. Все, скопом. Потому что жили воровством и прямым разбоем. Затем ситуация изменилась.

Были созданы Галактическое Сообщество и Галактический Совет, где разработали и начали применять законы, общие для всех рас, входящих в Сообщество или претендующих на вхождение в него. А каравос Раво, когда поняли, что объединённые цивилизации Галактики очень быстро покончат с их беспределом, сделали всё, чтобы тоже войти в Сообщество. И вошли.

– Не очень понимаю, зачем, – признался я. – Им же, наверное, пришлось для этого кардинально изменить свой образ жизни? На это не всякий народ решится, дело серьёзное. Попадает революцией.

– Да, пришлось. Захочешь жить – изменишься. Они ведь в какой-то момент так всех достали, что их готовы были уничтожить целиком и полностью. Без жалости. Чуть ли не до последнего человека.

– Человека? Так они гуманоиды?

– Самые натуральные. От вас практически не отличить.

– Ясно. Значит, Совет Галактики был готов устроить по отношению к гуманоидной расе самый натуральный геноцид?

– Ну-ну, не преувеличивай. Какой геноцид? Скорее, защитная реакция. К тому же никто ничего не устроил. Хватило нескольких крупных полицейских операций по разгрому самых наглых вооружённых банд. Но я бы не сказал, что каравос Раво очень уж кардинально изменили свой образ жизни. Да, основные доходы у них теперь не от прямого грабежа и воровства, а от торговли. Но и прежними незаконными занятиями не пренебрегают, как уже было замечено. В общем, это те ещё ребята. Восемьдесят два процента серьезных нарушений закона, совершаемых, как ты выразился, на просторах Галактики, – это каравос Раво. По самым щадя-

³ Первое упоминание о каравос Раво – «скитальцах Бога» см. в романе автора «Солдаты Вечности».

щим подсчётам. Вооружённым разбоем, то бишь пиратством, они теперь, надо признать, не занимаются, боятся, но всё остальное... – он умолк, покачал головой, взял стакан и сделал пару глотков.

– А ты, Марк, гляжу, не сильно любишь этих каравос Раво, – усмехнулся я. – Верно?

– Я полицейский, – ответил лируллиец. – Мне положено делать свою работу. Безотносительно личных пристрастий или неприязни. Но подумай сам. Как можно с любовью относиться к тем, кто не далее как вчера дважды пытался тебя убить? Кстати, спасибо, Дементий. Как бы ни сложились наши дальнейшие отношения, знай – я твой должник.

– С чего это вдруг?

– Ты фактически спас мне жизнь. Если б не ты, вчерашний день стал бы моим последним. Поэтому ещё раз спасибо.

Он протянул руку, я пожал его крепкую прохладную ладонь и, чтобы скрыть смущение, принял к своему стакану. Как-то раньше мне не случалось спасать чью-либо жизнь, и я не привык к благодарностям такого рода – оказывается, принимать их не так-то просто и легко. Невольно чувствуешь некую особую ответственность, которую вовсе не собирался на себя взваливать.

Захотелось в туалет. Как-никак два больших стакана этого твинна лируллийского выдул. Полезного и вкусного. Общий объём граммов семьсот. Не отказался бы и ещё от стакана, но неплохо для начала облегчить себе жизнь.

Я непроизвольно огляделся по сторонам.

– В туалет? – спросил Марк. – Пошли, покажу, где. Мне тоже нужно.

Нет, он точно мысли читает, дерево человекообразное. Только не признаётся.

Выходя из туалета (оказалось, ничего сложного – тот же принцип действия, что и у нас, только форма и размеры унитаза другие, но пользоваться можно и человеку при определённой сноровке), встретились в коридоре с двумя лируллийцами. В естественном их состоянии. Один повыше и помощнее, второй пониже и поизящнее. Хотя я уже знал, как эти ребята выглядят, но всё равно рассматривал с интересом. Не каждый день встретишь шагающие и разговаривающие деревья, ростом с тебя самого.

Да ещё и деревья одетые!

В нечто вроде комбинезонов с пятью штанинами снизу для ног-корней и пятью рукавами для ветвей-щупалец. Имелись также и карманы. На том лируллийце, что повыше, комбинезон был серовато-зелёный, на изящном – глубокого жёлтого цвета.

Мужчина и женщина? Надо будет спросить у Марка, делятся ли они по половому признаку, интересно же. И не только об этом.

Когда мы вернулись за стол, стаканы были снова полны, а в качестве закуски предложены неизвестно кем солоноватые орешки на блюде.

– Похоже на фисташки, – сказал я, попробовав. – Очень похоже. Просто один в один.

– Это и есть фисташки, – заметил Марк. – Они нам нравятся. Вообще, на Земле отличные растут орехи. И не только орехи. У вас вообще флора богатая.

– Ага. Значит, те же орехи вполне могут стать продуктом экспорта?

– При правильной маркетинговой политике отчего бы и нет? Но для этого Земля должна поначалу вступить в Галактический Союз. Он же Сообщество. А это совсем не просто, как ты понимаешь.

– Чего уж тут не понять. Погоди, выходит, ты сейчас ешь наши фисташки незаконно? Мы ведь не позволяли вам вывозить их с планеты? То есть я шучу, конечно, но всё-таки.

– Вполне мог бы и не шутить, – усмехнулся Марк. – Абсолютно правомерный вопрос. В русле нашего разговора. Но только фисташки находятся на этом столе законно. Потому что мы за них заплатили.

– Чем, интересно?

– Вашими деньгами. Рублями. А рубли, в свою очередь, получили в обмен на золото. Устраивает такой ответ?

– Устраивает. А за наши сны, значит, эти самые космические цыгане не платят?

– Как ты сказал? – переспросил он. – Космические цыгане? Интересное сравнение. И во многом точное, насколько я могу судить. Нет, не платят. В этом-то всё и дело. А зачем? Проще украсть. Так они рассуждают.

– Ясно, чистые цыгане. Ворованный конь дешевле купленного.

Марк засмеялся:

– Хорошо сказано!

– Не мои слова, в одной хорошей книжке вычитал⁴. О, кстати, а у вас, на Лирулле, есть литература и вообще искусство?

– Есть, конечно. И не только у нас. Занятия искусством и наукой присущи всем разумным существам. Но мы, я вижу, сильно отвлеклись от темы нашего разговора.

– Ничего. Как отвлеклись, так снова привлечёмся. Или ты куда-то торопишься?

– Нет. Но хотелось бы всё же определиться.

– Хорошо, давай определяться. Что от меня требуется конкретно, и сколько вы за это готовы заплатить?

Он секунду помедлил, видимо, подбирая формулировку.

– Если коротко, требуется проникнуть в их среду. В среду контрабандистов, я имею в виду. Стать нашим агентом у них.

– Оп-ля. Ни больше ни меньше?

– Меньше точно не нужно, а насчёт больше – время покажет.

– Сами, значит, не справляетесь?

– Как тебе сказать...

– Прямо. То, чему я был вчера свидетелем, не было ли финалом твоей попытки войти в доверие к господам инопланетным контрабандистам? Спрашиваю, чтобы чётко знать, какой риск мне может грозить?

– Было, ты прав. Но твой риск, в случае, если согласишься, будет гораздо меньше моего.

– Это ещё почему?

– Потому что ты человек.

– И что?

– Очень просто. Они меня раскололи. Догадались, что я полицейский. И не просто полицейский, а ещё и лируллиец.

– Ксенофобия?

– Хуже. Застарелая традиционная вражда. Видишь ли, мы, лируллийцы, как раса-основательница Галактического Союза, принимали и принимаем особо горячее участие к приведению каравос Раво ко всяческому законопослушанию и порядку.

– Понятно. Значит, ты думаешь, что если они меня расколят, то убивать не станут?

– Вряд ли. Убийство разумного существа, да ещё и работающего на Галактический Совет, очень серьёзное преступление. С контрабандой не сравнить. Но риск есть, несомненно, я уже говорил.

Я взял было стакан, но, подумав, отставил его в сторону. Раз уж мы начали обсуждать серьёзные дела, то пить хватит, пожалуй. Даже этот слабенький твинн. А то потом как бы не пожалеть, что меня поймали на элементарный крючок вербовщиков всех народов и времён.

– Хорошо, – сказал я. – Допустим, я соглашусь. В чём будут заключаться мои обязанности?

⁴ Имеется в виду роман Михаила Успенского «Там, где нас нет».

– В сборе информации, доказательств вины. Наша конечная цель – не просто довести преступников до суда, но и посадить. Желательно надолго. Потому как уж больно распоясались. Без веских доказательств, как ты понимаешь, сделать это невозможно.

– В тюрьму посадить?

– Скорее, это можно называть ссылкой. Пусть поработают на терраформировании, есть у нас специально предназначенные для трудового воспитания планеты.

– Значит, сбор информации и доказательств для дальнейшей передачи в галактический суд, – повторил я. – Так?

– Именно.

– А ты, значит, эти самые доказательства собрать не успел?

– Получается, не успел. Извини, я не специально.

– А что мешает прислать сюда дополнительные полицейские силы и устроить натуральную облаву? Не получилось с подсадной уткой, надо хватать с поличным. Прямо на месте преступления, так сказать.

– Ты земной полицейский? – спросил Марк. – Или, может быть, имеешь представление о средствах и методах Галактической полиции?

Я промолчал, уже догадываясь, куда он клонит.

– Ты имеешь хоть малейшее представление о размерах нашей Галактики Млечный Путь?

– Ну...

– Сто тысяч световых лет в поперечнике. Сотни и сотни населённых миров. Из них большая часть, как и ваша Земля, плохо разведана и не входит в Галактическое Сообщество. А полицейские силы мало того, что безграничны, так ещё и финансируются не самым блестящим образом. Скажу одно. Здесь, на Луне, нас три лируллийца. Из них полицейский – я один. Для того, чтобы вызвать подмогу, мне надо вернуться в штаб-квартиру галактических полицейских сил, расположенную... впрочем, не важно, где она расположена. Главное, что лёту туда больше десяти суток по земному времени в режиме гиперпространственного прыжка. Там, в штаб-квартире, я должен убедить руководство в целесообразности проведения крупной полицейской операции на территории планеты, не входящей в Галактическое Сообщество. Фактически не имея для этого веских оснований и доказательств. Поверь, это невозможно.

– Почему? Ведь эти каравос Раво нарушают закон!

– И что? Во-первых, как я уже говорил, это надо ещё доказать. Чего пока не сделано. А во-вторых, они же не пьют человеческую кровь, верно? Да, крадут сновидения. Но это не смертельно.

– То есть Галактическая полиция вмешивается только в исключительных ситуациях?

– Ну почему же. Я, как видишь, вмешался. Но для крупной полицейской операции оснований маловато. Включая попытку каравос Раво меня убить. Это, опять же, ещё нужно доказать и... – он махнул рукой. – В общем, не всё так просто, как может на первый взгляд показаться. Пришёл, увидел, поймал и посадил – так не получается.

– Надо же, – покачал я головой. – Не могу отделаться от ощущения, что нахожусь внутри какого-то фильма. Или сна. Нереально как-то это всё. Лируллийцы, каравос Раво, Луна, Галактическая полиция... Я точно не сплю?

– Ты у меня спрашиваешь? – в его голосе явственно прозвучала ирония.

– Да, верно, извини. Но почему я? Только потому, что подвернулся, как говорится, на дороге?

– Просто так никто на дороге не подворачивается, – назидательно заметил Марк. – Это первое. А второе – мы, пока тебе дырку от пули заравчивали, провели некоторые тесты. Извини, что без твоего согласия, но нам нужно было понять, с кем мы можем иметь дело. Твои психофизические характеристики вполне соответствуют этой работе. Ты здоров, молод, в меру артистичен, любопытен, умен, благороден и смел. Не ксенофоб. В некоторых этих твоих качествах

я убедился лично без всяких тестов. Трус и низкий человек не стал бы рисковать своей жизнью ради незнакомца. И не просто незнакомца, а явно не человека.

– Тесты. Значит правду говорят, что инопланетяне проводят эксперименты над похищенными людьми. Шучу.

– Шуточки у тебя.

– Какие есть. К тому же мне и впрямь не очень нравится, что вы тестировали мой организм и моё сознание, пока я был без сознания. Каламбур средненький, но да хрен с ним, какой есть.

– Слушай, это была обычная процедура. Должны же мы были знать, как тебя лечить!

– Путаешься в показаниях, – сказал я. – Сначала ты заявил, что вы должны были знать, с кем вам предстоит иметь дело.

– Вот именно, – подтвердил он, усмехнувшись. – И в чём первое утверждение противоречит второму?

Я задумался. Действительно, с формальной точки зрения он прав. Для того, чтобы вылечить предположительно малознакомый раненый организм, надо знать его характеристики. Не прост, Марк, ох, не прост. Даже не знаю, хорошо это или плохо. Скорее, всё-таки хорошо. Глупец больше раздражает.

– Ладно, проехали. Вернёмся к нашим баранам.

– Вернёмся. Хоть к баранам, хоть к овцам.

– Ишь, сговорчивый какой, – хмыкнул я.

– Я сговорчив, потому что ты нам нужен, Дементий. И смею надеяться, мы тебе тоже. Это чертовски интересная работа. Впрочем, почему-то мне кажется, ты это отлично понимаешь.

– Да таких, как я, сколько угодно!

– Ошибаешься. Не сколько угодно. Но даже, если и так, где и как их искать? А ты – вот он. Поэтому я и сказал, что просто так на нашей дороге никто нам не подворачивается.

Эх, мягко стелет, да как спать придётся. Если я ещё соглашусь с ними спать. Фигурально выражаясь.

– И в какую сумму вы готовы оценить мой риск?

– Валюта?

– Ну, скажем, евро.

Он подумал, что-то подсчитывая про себя.

– Порядка четырех тысяч в месяц. Разумеется, без налогов. Плюс, по окончании миссии, хорошая премия. В любой земной валюте, какую выберешь. С возможностью перевода в общегалактическую.

– Общегалактическую? Есть и такая?

– Конечно. Раз есть Союз, значит, есть и валюта. Товарно-денежные отношения, как и занятия искусством и наукой, присущи всем разумным существам во Вселенной.

– И чем же она обеспечивается, интересно, эта валюта? Не думаю, что золотом.

– Правильно не думаешь. Золото, как и любой иной металл или материал, мы давно научились синтезировать. Хотя, надо признать, затраты на его производство не всегда и не везде окупаются. А что нужно затратить на производство золота или чего угодно?

– Это типа проверка на сообразительность?

– Никаких проверок. Но мне интересно, как ты ответишь.

– Хм... Энергию?

– Bravo! – похлопал в ладоши Марк. – Быстро соображаешь.

– То есть ваша валюта обеспечивается вырабатываемой вами энергией? – спросил я, стараясь не слишком обращать внимания на комплимент.

– Да.

– Что-то похожее я где-то уже слышал или читал.

– Очень может быть. Не одни мы такие умные. Наверняка некоторые из ваших экономистов и футурологов приходят к похожим выводам: энергия лучше золота в качестве обеспечения предполагаемой новой валюты будущего. Да что там говорить. Практически любая цивилизация, достигающая определённого уровня развития, додумывается до этой идеи. И в этом нет ничего странного. Действительно, чем больше энергии способна выработать та или иная цивилизация, тем она богаче.

– И велика ли премия?

– Если в евро, то примерно двести тысяч. В нашей общегалактической валюте это тоже неплохая сумма, поверь. Пару лет безбедно можно прожить на любой из планет, входящих в Галактическое Сообщество. И даже на Торгуне – самом дорогостоящем обитаемом месте в Галактике.

Я снова задумался.

Да, вопросов ещё возникало до чёрта. Например, как и сколько они собираются меня учить, что меня ждёт после выполнения миссии, что такое Торгун – самое дорогостоящее обитаемое место в Галактике, и куча других. Но основное было сказано, и теперь наступал момент выбора. Нужно было или соглашаться, или отказывать. Другого не дано.

Ну, Дёма, сказал я себе, решайся. Просить время на раздумья глупо – это ничего не изменит. Ты сам хотел перемен – вот они. Да такие, что не виделись в самых фантастических мечтах. Пан или пропал, другого шанса не будет, грудь в крестах или голова в кустах, риск благородное дело, и всё такое прочее.

Я посмотрел на Марка.

Лируллиец со спокойным вниманием ждал моего решения.

– Ладно, лирулла, – сказал я. – Согласен. По рукам. Но учти, без аванса я не работаю.

– Это само собой, – улыбнулся инопланетянин и поднял стакан. – Рад, что ты принял верное решение. Давай за это выпьем!

– Давай!

Мы чокнулись.

На этот раз вкуса и крепости лируллийского напитка я почти не ощутил – слишком сильно билось сердце.

Глава 6

С формальностями и всем прочим мы закончили до вечера – по земному времени, понятно. Меня порадовало, что договор был составлен не только в электронном виде, но и на бумаге. В двух экземплярах, как положено, и на трёх языках (общегалактическом, лируллийском и русском). Оказалось, что не только человечество предпочитает составлять и хранить серьёзные документы в материальном виде (не исключая при этом и электронный).

– С одной стороны, казалось бы, анахронизм, – прокомментировал лируллиец, отдавая мне мой экземпляр договора. – Но отмирать этот анахронизм никак не хочет. А мы не сторонники форсирования каких бы то ни было процессов в обществе, если это не продиктовано крайней необходимостью.

Подобный подход меня вполне устраивал. Равно, как и форма договора вместе с его содержанием – простым, как мне показалось, и понятным, не требующим консультаций с юристом. Нет, я, конечно же, отдавал себе отчёт в том, что иду на определённый риск, подписывая документ без серьёзного юридического анализа. Но каким образом, скажите на милость, я мог бы подобный анализ провести, даже если бы захотел?! Вот то-то и оно. К тому же, как явственно следовало из текста, никаких санкций, кроме прекращения финансирования, в случае нарушения договора с моей стороны последовать не могло. А вот я теоретически мог подать на своих работодателей в арбитражный суд при Галактическом Совете, если они не станут платить мне деньги за выполненную работу. Почему «теоретически», объяснять, надеюсь, не нужно. Но мне показалось, что задумываться над тем, как претворить теорию в практику, не придётся. Чему весьма поспособствовали ровно четыре тысячи евро наличными, выданными мне в качестве аванса немедленно после подписания бумаг.

– Русские любят наличные, – прокомментировал Марк, вручая мне пачку новеньких, достоинством в сто евро, банкнот. – Мы это учли. Да и кто не любит? Но впредь оплата будет поступать тебе на счёт.

– У вас здесь что, своя типография? – подмигнул я, пряча деньги во внутренний карман куртки.

– Обижаешь, – не понял или не захотел понять избитой шутки Марк. – Евро настоящие. Мы не фальшивомонетчики, хотя, как ты, наверное, догадываешься, подделать любую земную валюту нам ничего не стоит.

– Верю, верю, извини, – вздохнул я. – Мы с тобой слишком мало знакомы, чтобы я заранее чувствовал, какую шутку ты поймёшь, а какую нет. Кстати, а как вообще у вас, лируллийцев, с чувством юмора? А заодно и у этих каравос Раво? Хотелось бы знать заранее, чтобы потом не облажаться, сам понимаешь.

– У нас, лируллийцев, чувство юмора очень специфическое, – сказал Марк. – В двух словах не объяснить. Да и в тысяче двух тоже. Но оно, чувство это, есть, можешь не сомневаться. Что же касается каравос Раво, то вся нужная тебе информация о них и не только о них заключается здесь, – он протянул мне на ладони изящную, плоскую, размером и видом напоминающую медальон вещицу. Схожесть с медальоном подчёркивалась ещё и тем, что к вещице за проушину была прицеплена тонкая золотистая цепочка.

– Это называется на нашем языке *микнс*, – продолжил Марк. – Что-то вроде универсального носителя и передатчика информации. Настроен лично на тебя. У вас есть похожие устройства – те же компьютеры или мобильные телефоны, но до микнса им пока далеко. Возьми.

Я взял «медальон» и поднёс к глазам, разглядывая.

Плоский серебряный кружок, внутри которого расположен второй – золотистого цвета. Как будто в центр новенькой пятирублёвой монеты врезали десятикопеечную. Тоже новенькую. Убрав с обеих при этом все надписи и узоры, но оставив кант – идущее по окружности

ребро. Внизу, на серебряном поле, посверкивают бриллиантовыми огоньками три малюсеньких камушка. Точно над центральным камушком, но уже на краю золотого кружка, ещё один, отливающий фиалковым светом. Не слишком замысловато. И в то же время стильно. Если кто спросит, можно соврать, что это украшение, и дело с концом. Собственно, и врать не надо, достаточно сказать половину правды, так как на шее, например, эта штука и впрямь будет смотреться украшением.

– Платина, золото, настоящие бриллианты и сапфир, – ответил на мой невысказанный вопрос Марк. – Цепочка из титанового сплава высокой прочности. Всё сделано с учётом земных технологий и нашего представления о вашем дизайне. Похоже на украшение?

– Похоже, – признал я. – Как им пользоваться?

– Повесь на шею.

Ага, значит, правильно догадался. Эх, не думал я, что придётся носить на груди что-либо, кроме православного крестика. Ладно, авось сильно мешать не станет, и Господь меня простит. А на ночь буду снимать.

– Так. Что дальше?

– Видишь золотой кружок? Сожми пальцами с двух сторон, поверни направо, по часовой стрелке до щелчка, потом влево, против часовой, до щелчка и ещё раз влево до щелчка же. Так, чтобы сапфир на золотом поле совмещался с центральным бриллиантом на платиновом. И отпусти. Ничего сложного.

Сжал, повернул... Щёлк. Теперь в обратную сторону... Щёлк. Щёлк. Так, теперь отпустил.

Окружающее меня пространство (мы сидели там же, за тем же столиком, только без выпивки и закуски) исчезло вместе с Марком, и вместо него возникло другое. Тоже нечто вроде зала, но с обычным, а не купольным перекрытием. И размером поменьше. Большая комната, скажем так. Ровного белого – белее, наверное, и не бывает – цвета.

Только я успел подумать, что понятия о хорошем дизайне помещений у нас с лируллийцами явно мало совпадают (что это ещё за больнично-стерильные мотивы?), как в противоположной стене возникла дверь, и в белый зал танцующей походкой вошла девушка.

Это была очень красивая девушка.

То есть это была такая красивая девушка, что красивее я не встречал в своей жизни, как бы пошло ни выглядела и ни звучала эта фраза.

При этом красива она – девушка, а не фраза! – была не какой-то там недоступной, глянцевои, отфотошопленной⁵ и загримированной журнально-экранной красотой, если вы понимаете, что я имею в виду, а красотой живой, весёлой и даже почти домашней, – так бывает красива девчонка с соседней улицы, которая время от времени попадает на встречу, но тебе всё никак не удастся с нею заговорить. И даже не потому, что решимости не хватает, а просто случай удобный не подворачивается – то она явно спешит, то тебе некогда, то ещё что-нибудь не так.

Ростом она была то, что надо – её брови на уровне моих губ (я невольно поднялся при её появлении). Не худая и не полная, чуть курносенькая, со смеющимися, широко расставленными рыжими глазами и одета в короткое, открывающее стройные босые ноги красное платье, перехваченное в талии жёлтым поясом.

Ярко, броско, сексуально.

Но в меру.

Особенно, если вовремя вспомнить, что это всего лишь продукт цифровых технологий. К тому же инопланетных.

⁵ *Фотопшоп* (Adobe Photoshop) – компьютерная программа, позволяющая работать с фотоснимками, рисунками и другими изображениями.

– Привет, – поздоровалась она, останавливаясь в трёх шагах (мне даже показалось, что я уловил свежий запах, идущий от её чисто вымытых светло-русых волос). Надо же, и голос в точности такой, как мне нравится, – мягкий, низковатый, без малейшего признака этих, нетерпимых мною, визгливых капризно-стервозных ноток, способных не хуже ножа или опасной бритвы насквозь прорезать мужское самообладание любой толщины. – О чём будем разговаривать?

И улыбнулась.

Ещё и мои любимые ямочки на щеках! Ну, лирулла, ну, спасибо. И когда только успели, интересно? Или это у них такой стандарт, заранее приготовленный? Нет, сказано же было, что устройство – минск этот... нет, не минск. И не микс. Микнс, вот. Нечто среднее между столицей Белоруссии и смесью по-английски. А может, моё собственное воображение каким-то образом дорисовывает цифровую картинку? Надо будет спросить потом у Марка.

– Как тебя зовут? – спросил я.

– Пока никак. Имя должен дать мне ты, потому что я тебе принадлежу.

Замечательно. Не буду скрывать, это тешит мою древнюю мужскую самость.

– Хорошо, я дам тебе имя. Но чуть позже, когда придумаю. А пока я хотел кое-что узнать.

– Отлично. Говори, что именно.

– Где тебя сделали?

– На планете Лирулла.

– Для чего ты предназначена?

– Для того чтобы давать тебе информацию и общаться на любые темы, – она улыбнулась, как мне показалось, со значением.

Вот, чёрт, Дёма, помни, перед тобой всего лишь изображение. Да, очень реалистичное, но это уж никак не живой человек. А, кстати, насколько реалистичное?

Я протянул руку, имея намерение дотронуться до её щеки.

Не прекращая улыбаться, девушка отстранилась.

Играем, значит? Ладно...

– Не стоит, Дементий, – прозвучал, словно с потолка, голос Марка. – Это твой виртуальный гид и собеседник, не более того.

– То есть это программа или уже искусственный интеллект? – спросил я напрямик.

– Всё-таки программа. Но очень сложная, гибкая и не без элементов искусственного интеллекта, ты задал правильный вопрос. Возможно, мы слегка перебрали с её... как бы это выразиться... сексуальной привлекательностью, так ты скажи, исправим. Любой образ по твоему желанию.

– Хм... оставим, пожалуй, этот. Пока. А что нужно сделать, чтобы выйти из программы?

– Скажи внятно: «Конец работы». Или выключи микнс руками. В обратной последовательности. Три раза по часовой, один – против.

– Конец работы, – сказал я.

Девушка повернулась ко мне спиной и скрылась (сзади она смотрелась ничуть не хуже, чем спереди) за возникшей и тут же исчезнувшей в стене дверью.

Щёлк.

Белая комната вокруг меня превратилась в знакомый уже зал.

Я огляделся.

– Всё нормально? – спросил Марк.

– Абсолютно. Как я понимаю, эта... этот мой виртуальный гид покажет и расскажет всё, о чём я попрошу?

– Да. В пределах того объёма информации и с учётом тех программ, которые имеются в микнсе. По сути, микнс, как я уже говорил, – это компьютер, только от тех, что известны тебе, он отличается так же, как наш межзвёздный галактический крейсер от ваших космиче-

ских ракет на химическом топливе. Кроме всего прочего, с его помощью ты будешь один раз в неделю в любое удобное для тебя время связываться со мной и докладывать об успехах и неудачах. Первых, надеюсь, будет гораздо больше, чем вторых. Или просто сообщать, что ты жив и здоров. Существует также экстренный режим связи. Подзаряжать микнс не надо. У него мощный автономный источник питания, рассчитанный на земной год непрерывной работы.

– Ни фиги себе, – я несколько обалдел от такого срока. – Год?! Там что, какая-то атомная батарейка? Микрореактор?

– Кроме атомных реакторов, существуют иные способы вырабатывать дешёвую энергию, – сказал Марк. – И к тому же практически безопасные. Но в микнсе действительно батарейка. Просто очень ёмкая и надёжная. Тебе рассказать, каким образом она устроена?

– Пожалуй, не стоит, – отказался я. – Поверю тебе на слово. А эти каравос Раво передачу не засекут? Электромагнитные волны – они и в Африке электромагнитные волны.

– Поэтому и связь раз в неделю, если не считать экстренную. И так, чтобы рядом не было никаких каравос Раво и людей. То же самое относится и к работе с микнсом вообще. У него есть защита, я расскажу, но лучше не рисковать понапрасну. Но и не забывай, что данный конкретный микнс – последняя разработка, нашим контрабандистам неизвестная. Они же всё-таки преступники, а не представители спецслужб. Да, умные и отлично оснащённые технически, но преступники. И психология у них соответствующая. Главное – нажива.

– Нажива наживой, но о собственной безопасности умный вор и контрабандист не забывает, – сказал я. – Как бы не попасться мне с этим микнсом. Разработка-то им неизвестная, но у нас на Земле и вовсе таких устройств нет.

– Несомненно, риск присутствует, – согласился лируллиец. – Но его величина зависит от нашей и лично твоей осторожности. Пользуйся микнсом с умом и оглядкой. Но помни, что просто так его не засесть. Это, в принципе, очень и очень сложно, поскольку нужно знать, что искать. Тот же мобильник в твоём кармане смажет картину для ищущего, и не только он, – мы же буквально купаемся в ЭМИ⁶. Особенно в городах. К тому же микнс, находясь в рабочем режиме, отлично защищён. Он сам сканирует ближайшее окружающее пространство на предмет появления в нём посторонних особей размером с крупную собаку, а также засечёт любые попытки обнаружения его с помощью электромагнитного излучения любого вида. И, как только засечёт, тут же об этом сообщит и, если ты по каким-то причинам не отреагируешь, прервёт работу самостоятельно. Опять же, когда микнс выключен, он излучает не больше монеты. Дальше. Микнс – всего лишь твой помощник, советчик, но ни в коем случае не инструмент для достижения цели.

– А что же тогда инструмент? – спросил я.

– Ты сам. Вся основная информация, все доказательства преступной деятельности контрабандистов будут спрятаны у тебя здесь, – он постучал пальцем себе по лбу. – И когда доказательств этих будет собрано достаточно, мы извлечём их из твоей памяти безо всякого для тебя вреда.

– И такая запись будет являться уликой на суде?

– Конечно. Но не сама по себе, а вкупе с тобой самим, как живым свидетелем. Суду нужно убедиться, что запись снята именно с твоего мозга и является записью именно твоих настоящих воспоминаний, а не ложных, кем-то специально подсаженных. Такие случаи бывали. Технология подсаживания ложной памяти весьма сложна и дорогостояща, но она существует. Отсюда вывод: во что бы то ни стало ты должен остаться в живых. Это в наших общих интересах. Поэтому главное правило одно: на рожон не лезть, героизм не проявлять, действовать предельно осторожно.

⁶ ЭМИ – электромагнитное излучение (Прим. автора).

– Ясно, учту, – я спрятал микнс под майку. – Тоже мне нашёл героя, а то я без тебя не догадываюсь, что нужно быть осторожным. Предельно. Деньги деньгами и дело делом, но ставить на карту свою молодую жизнь я не собираюсь ни при каких обстоятельствах.

– И это правильно. Ты, повторяю, нужен нам живой.

– Слушай, Марк, – я решил сменить тему, – всё хочу тебя спросить и забываю...

– О чём?

– Для чего здесь эти клумбы, покрытые травой? Смотрю, смотрю и никак не могу понять. Вроде как для красоты? Или они имеют какое-то функциональное значение?

– Ну, Дементий, – засмеялся Марк, – даже не ожидал. При твоей-то сообразительности!

– Ты не выделяйся, а покажи пальцем, – процитировал я старый анекдот.

– Комфортнее всего мы, лируллийцы, себя чувствуем, когда вырастаем корнями в землю, – сказал он. – А это место – что-то вроде кают-компаний. Теперь понимаешь?

– Надо же, ёжик в тумане, – покачал я головой. – Спасибо. Действительно, мог бы догадаться и сам.

...На Землю мы вернулись перед самым рассветом.

– Твоё исчезновение не должно вызывать серьёзных вопросов, – объяснял мне Марк незадолго до старта с Луны. – Эсэмэска, посланная родным, их не успокоит, если ты в ближайшее время не появишься. Не говоря уже о коллегах и начальстве на работе.

– С работы я теперь уволюсь.

– Зачем? Ни в коем случае.

– А как же...

– Твоя работа, Дементий, – идеальное прикрытие для каравос Раво. Подумай сам, кто, кроме установщика и настройщика любого рода может незаметно установить и подключить устройство для записывания сновидений? Их ведь с улицы не достать, нет ещё пока таких технологий.

– погоди, ты хочешь сказать, что мои коллеги работают на каравос Раво?

– Некоторые – наверняка. Но вообще-то большей частью контрабандисты предпочитают действовать самостоятельно. Для того, чтобы проникнуть в квартиру, когда хозяева отсутствуют, и незаметно приспособить в спальне крохотные записывающие устройства, большого умения не надо. С их воровской точки зрения, разумеется. Потом, через некоторое время, они возвращаются, забирают устройства, перебрасывают информацию на другие носители... Это и правда не слишком трудно. Люди и не подозревают, что у них что-то там крадут. С какой стати, если из квартиры или дома ничего не пропадает? А раз не подозревают, то, значит, и не замечают, что кто-то наведывался в их жильё, когда они отсутствовали.

– Да, – вздохнул я. – Инопланетяне, оказывается, среди нас, а мы и не знаем. Прямо как в кино. То есть, получается, они подделываются под людей? Но это сложно. Я даже не внешний вид имею в виду, а модель поведения, повадки, речь.

– Не так уж и сложно. Даже у меня, лируллийца, это получается, как видишь. Люди ведь в абсолютном своём большинстве доверчивы и невнимательны. А каравос Раво и вовсе гуманоиды, от человека практически неотличимы. Плюс актёрские способности, которые фактически заложены у них в генах. Что и немудрено. Среди каравос Раво есть семейные кланы, которые в течение многих и многих поколений живут исключительно на преступные доходы. Я хочу сказать, что актёр – прекрасная и честная профессия, а талант актёра сам по себе...

– Да понял я, Марк, понял, что ты, в самом деле, как ребёнку мне объясняешь. Я сам в любительском театре играл. Любой талант и мастерство по-разному можно использовать.

– Вот именно. Извини, я иногда бываю не в меру дидактичен.

– Охренеть, какие ты слова знаешь. Я прямо тобой восхищаюсь. И тем не менее. Как мне к ним внедриться конкретно? Что я должен для этого сделать? Не могу же я в самом деле вот так прийти и сказать: «Ребята, я знаю, кто вы такие, и хочу на вас работать за большие деньги»!

– В микнсе есть подробная инструкция на этот счёт, – сказал Марк. – Но если коротко, лучше всего немного подставиться. Сделать так, чтобы они сами на тебя вышли.

– Дать объявление в газете? – усмехнулся я. – Молодой исполнительный человек ищет работу у каравос Раво. Сохранение тайны гарантируется.

Лируллиец посмотрел на меня долгим взглядом.

– У нас есть чувство юмора, – сказал он, наконец. Но почему-то не засмеялся.

«Челнок» лируллийцев опустился в предутреннем лесу, издав шума не больше еловой шишки, упавшей с ветви.

«Всё-таки фантастические технологии у ребятков, – подумал я в несчётный раз. – Понятно, отчего тема НЛО у нас околонульная. Мягко говоря. Попробуй засеки такую штуку, если она движется в сто с лишним раз быстрее пули да ещё и фактически бесшумно. Хотя, что мне известно о современных средствах обнаружения той же нашей российской или американской ПВО? Ровным счётом ничего. И в войсках не тех служил и вообще никогда пристального интереса не проявлял. Так, в общих чертах. Ладно, хрен с ним со всем, не о том думаю».

– Приехали, – сообщил Марк. – Тебе пора, скоро рассвет. Иди точно на восток, по компасу. Фонарик не забыл?

Я похлопал по карману куртки.

– Хорошо. Значит, через полтора километра будет шоссе. Направо – в город, налево... э-э... в другую сторону.

За моей спиной, причмокнул, открываясь, люк. Свежий ночной воздух майского леса смешался с безвкусной атмосферой «челнока».

– Я помню, спасибо.

– Ну, тогда счастливо, Дементий.

– Счастливо, Марк. И до связи.

– Будь осторожен.

– Обязательно.

Я пожал ему руку и покинул корабль.

Глава 7

До города я добрался на попутной машине и в начале восьмого утра уже входил во двор своего дома.

И, конечно, тут же мне навстречу попала соседка Елена Васильевна. Вот скажите, пожалуйста, куда несут черти или ангелы пожилую пенсионерку в такое время? И я не знаю.

– Дёма! – громко обрадовалась она. – Да ты никак дома не ночевал две ночи подряд? В командировке, что ли, был или как?

– И вам доброе утро, Елена Васильевна, – произнес я как можно любезнее. – Разрешите оставить пока без ответа ваш вопрос? Видите ли, он требует серьёзных размышлений, а мне в данный момент недосуг. Дела не ждут.

Пока старая сплетница, приоткрыв рот и лупая глазами, подыскивала ответную реплику, я спокойно прошествовал мимо и скрылся в подъезде.

Сейчас, чудесным майским утром, когда карман приятно отягощали четыре тысячи евро наличными, а в ближайшей перспективе блистала яркими красками новая удивительная и чудесная жизнь, облезлая панельная девятиэтажка вместе со всеми соседями и моя квартира, полная любимых родственников, из которой я готов был намеренно бежать куда подальше, казались мне чем-то малосущественным, недостойным серьёзного внимания ума и любых переживаний и волнений души.

Подарю-ка Лариске две сотни евро прямо сегодня, решил я, поднимаясь на свой третий этаж. Скажу, шабашка на деньги удачная подвернулась, всё по легенде. Пусть купит себе и близнецам что-нибудь хорошее, отмякнет чуток от забот. И надо бы, между прочим, придумать какую-нибудь отмазку для начальства. Интересно, они домой вчера звонили? Зависит от того, насколько сильно я был нужен. Мне-то уж точно на мобильник дозвониться было нельзя. Абонент недоступен по определению.

Я представил себе, как вдохновенно рассказываю на работе чистую правду о том, почему был вынужден совершить прогул, тихо засмеялся, да так, с широкой улыбкой на лице и намерением не терять хорошее настроение как можно дольше, отпер дверь и вошёл в квартиру.

Двести евро, как я и рассчитывал, привели мою единственную и любимую старшую сестру в прекрасное расположение духа, что дало мне возможность относительно спокойно позавтракать и принять душ. Прошедшую ночь я спал мало – инопланетный «челнок», совершающий на совершенно безумной скорости полёт от Луны до Земли, не самое удобное место для сна. Но уставшим и невыспавшимся себя не чувствовал. Скорее, наоборот. И, в общем-то, моя бодрость и даже некое лёгкое возбуждение были вполне объяснимы – не каждый день человек переживает обстоятельства, подобные тем, что уже пережил я и – главное – собирался переживать далее.

На работе неприятности ограничились ворчанием начальства по поводу некоторых вконец оборзевших и возомнивших о себе невесть что сотрудников и лишением премии по итогам месяца (наказали, ха-ха!); и следующие несколько дней протекли в заботах, а также напряжённых и временами довольно сумбурных раздумьях.

Собственно, заботы свелись к поиску удобной во всех отношениях съёмной квартиры, потому что спокойно использовать микнс и вообще заниматься тем, чем я собирался заняться, в условиях коммунального дурдома, в которых протекало моё существование нынче, было решительно невозможно.

Помимо этого возникала мысль купить для соблюдения конспирации новый скутер той же марки и года выпуска, что и брошенный мною в лесу неподалёку от села Гратово, но затем, после тщательного обдумывания, я решил от неё отказаться. Довольно сложно найти в трёхсотпятидесятитысячном городе владельца дешёвого незарегистрированного мотороллера весьма

распространённой марки. Особенно с учётом того, что я не имею привычки держать в багажнике хоть какие-нибудь документы, бумаги или предметы, позволяющие это сделать. А вот человека, который на днях такой агрегат приобрёл в магазине, отыскать проще. Не так уж много у нас магазинов, торгующих скутерами, и не так уж много этих самых скутеров ежедневно приобретается.

Квартиру я подобрал быстро. Точнее, подобрали мне в агентстве, а я лишь выбрал из имеющихся вариантов ту, что наиболее мне понравилась – большую, однокомнатную в старом, дореволюционной постройки, доме, расположенном, скажем так, на окраине центральной части города.

Чёрт возьми, насколько всё-таки жизнь становится проще и в то же время насыщенной, что ли, когда есть деньги и ты готов их не транжирить, но тратить с умом и удовольствием! В том же агентстве недвижимости чуть ли не каждое моё слово ловили и пылинки с меня сдували, после того, как окончательно убедились, что мелочиться я не намерен и самый дешёвый вариант не ищу. И уважения к моей персоне лишь прибавилось, когда мне удалось сбить их несуразно заоблачную цену до приемлемо высокой.

Родня восприняла новость о близком освобождении мною жилплощади с удивлением, к которому явственно примешивалась радость. Никаких возражений с их стороны, ясен день, не последовало. Хотя Лариска, следует отдать ей должное, постаралась с максимальной степенью участия и на правах старшей сестры выяснить всё о столь радикальных переменах в моей жизни.

Я сумел весьма убедительно объяснить ей, что стал зарабатывать гораздо больше (ни слова лжи!) и, судя по тому, как идут дела, на прежний уровень не вернусь. Мало того. Очень может быть, что я и вовсе уеду из родного города. Куда? Например, в ту же Москву. Или Питер. Это ещё не решено, но мысли такие есть. И мысли довольно серьёзные.

Не знаю, зачем я ляпнул про отъезд, – на самом деле никаких особо серьёзных мыслей на эту тему у меня не было. Так, праздные, ни к чему не обязывающие мыслишки. Но, видимо, подсознательно я понимал, что случившееся со мной предполагает уже в ближайшем будущем более серьёзные изменения в жизни, чем просто увеличение количества зарабатываемых денег. Вот и слетело с языка. Не правду же было говорить! А что более серьёзное, кроме переезда в другой город, может случиться с русским человеком (неприятности, вроде пожара и болезней, брать не будем)? Даже женитьба/замужество и рождение ребёнка с этим не сравнятся. Чай, мы не какие-нибудь американцы и не кочуем в массе своей с места на место в поисках лучшей доли. Где родились или куда попали в раннем детстве вместе с родителями, там чаще всего и умираем. Помнится, читал я заслуживающую доверия статистику, по которой около семидесяти процентов граждан России не хотели бы без крайней необходимости покидать свои города и сёла. Заслуживающая доверия потому, что в данном случае она подтверждалась моим собственным опытом, – всю жизнь я живу в одном и том же городе, и абсолютное большинство тех, кого я знаю, делают то же самое.

Забавно, но вскоре после того, как я поведал сестре о своём возможном переезде в Москву или Питер, мне действительно пришлось об этом задуматься. В связи с моими непосредственными обязанностями, за выполнение которых я уже получил неплохой аванс. А именно: поиском инопланетных контрабандистов каравос Раво и внедрением в их среду.

Действительно. Легко было моему новому знакомому, человеку-дереву и галактическому полицейскому лируллийцу Марку предложить: «Проникни в банду инопланетян, которые воруют ваши сны, и стань там своим, а мы за это отвалим тебе кучу денег», а мне с этим предложением согласиться.

Но как это сделать на практике?!

Может и правда – в Москву? Наверняка же инопланетные контрабандисты действуют и там, и даже гораздо активнее, чем здесь. Хотя бы потому, что народу в столице больше. А значит, больше и возможностей записывать сны. Яркие, разнообразные, на все вкусы.

Опять же, слиться с общим фоном в Москве легче. Или мне это только кажется, и я чего-то не знаю или не учитываю? Надо же, ёжик в тумане, оказывается, я не задал Марку кучу важных вопросов. Например, почему он выслеживал похитителей снов именно в моём городе? И насколько широко внедрились каравос Раво, а заодно и другие инопланетяне в ничего не подозревающее человечество? Или это только России и моему родному городу так повезло? А если так, то почему? За какие такие заслуги? И как мне, в конце концов, действовать? Тот же Марк, самостоятельно пытаюсь проникнуть в банду, разыгрывал из себя человека и был пойман. Мне человека разыгрывать не надо, я и есть человек. Мне надо разыгрывать человека, который любит деньги (это нетрудно) и знает, что там, где он обитает с рождения, действуют инопланетяне, готовые эти деньги платить за не очень сложную работу. Но откуда он это знает-то, а?

Стоп-стоп, Дёма, сказал я себе в какой-то момент. Не изобретай велосипед, не надо. И впереди паровоза тоже не беги. Всё нужно делать последовательно. Марк не зря дал тебе микнс и научил им пользоваться. Он же, помнится, и сказал, что там есть инструкция. Какие проблемы? Уединяйся, включай микнс, получай инфу, а уж затем составляй план действий. Но никак не наоборот. И помни, что поспешать тебе надо, – Марк предупреждал об ограниченности сроков операции, но не в ущерб собственной безопасности. А ущерб этот может быть очень велик, если соваться в воду, не зная броду...

Возможность спокойно уединиться возникла у меня вечером третьего дня после возвращения на Землю, в четверг. Днём я получил в агентстве ключи от квартиры в обмен на личную сумму денег, а после окончания рабочего дня переехал, – для того, чтобы погрузить в такси один чемодан, сумку с ноутбуком и себя любимого, доехать до места, а затем подняться с вещами на второй этаж, ничья помощь мне не потребовалась.

Что же касается новоселья, то я решил его не устраивать. И не только потому, что не особо жалую традиционные личные праздники, вроде дней рождений, свадеб или тех же новоселий. Главным образом, мне в силу понятных причин не хотелось привлекать внимание друзей и приятелей к этой квартире. Они, ясен день, рано или поздно узнают, но пусть лучше поздно. А если начнутся обиды по поводу моей скрытности и нежелания принимать дорогих гостей, я всегда могу отмазаться тем, что хозяйка сдала мне жилплощадь за небольшие деньги (едва наскрёб, ей-богу, сами должны понимать!), но на очень жёстких условиях: никаких пьянок-гулянок и самое минимальное количество посторонних. Иначе – вылечу. И куда мне тогда идти? В родную опостылевшую «двушку», где сеструха Лариска к этому времени уже родит третьего ребёнка? Благодарю покорно. Или, может быть, кто-нибудь из вас, любезные друзья, меня приютит? Нет? Печально. Тогда извините и войдите в положение. Мне, братцы, моё душевное здоровье дороже нескольких пьянок с вами на новой квартире. В том смысле, что выпить мы можем где угодно, в конце концов, уже практически лето на дворе, а вот жить я с Ларискиной семьёй не могу – того и гляди умом тронусь. Оно вам надо? Правильно, не надо. Так что пожалейте мои нервы и меня самого в целом, а я вам за это буду очень благодарен и даже готов проставиться пивом, а может, чем и покрепче. В «Ракушке», а? В ближайшую же пятницу или субботу.

Заготовив про себя эту вполне правдоподобную легенду-речь, я успокоился, поужинал на своей новой кухне вкусными пельменями из магазина (тишина, покой, одиночество – какое счастье!), отключил на всякий случай мобильник, прошёл в комнату, уселся в кресло и взялся за микнс.

Как там, значит? Один раз направо, два раза налево...

Сейчас же вокруг меня возникла комната с белыми стенами, потолком и полом, вслед за которой появилась и босая девушка с весёлыми рыжими глазами.

Я хорошо помнил, что в понедельник, когда мы познакомились, на ней было красное платье с жёлтым поясом. Теперь пояс и платье поменялись цветами. Жёлтое платье и красный пояс.

– Привет! – улыбнулась она.

– Привет. Я придумал тебе имя.

– Это хорошо. Надеюсь, оно мне понравится.

– Я буду звать тебя Валерией. Или попросту Лерой. Твоя родина Лирулла, верно?

– Да.

– Значит, это имя подходит. Оно созвучно названию планеты.

– Ва-ле-ри-я, – повторила она по слогам. – Лера. Лерочка. Лерка. Леруля. Мне, и правда, нравится! Здорово, ты молодец.

– Рад угодить. Тем более мне оно тоже нравится.

– А тебя как зовут? – спросила она.

Действительно. Для полноценного общения, пусть даже и с компьютерной программой, необходимо представиться. В тех же компьютерных игрушках, особенно ролевых онлайн-овых, не говоря уже об интернет-форумах или блогах, приходится авторизовываться, а уж тут сам бог велел. Даже странно, что я торможу. Ничего, исправимся.

– Дементий. Друзья зовут Дёмой.

– А я тебе друг?

Ёжик в тумане, ну и вопросец.

– Слушай, Лера, ты не могла бы сотворить какой-нибудь стул или кресло и сесть? Мне неудобно разговаривать, когда я сижу, а ты стоишь.

– Конечно.

Она артистично щёлкнула пальцами и уселась в белое кресло, выросшее, подобно цветку, прямо из пола на моих глазах. Закинула ногу за ногу и спросила:

– Так хорошо?

Сказать ей, что ли, пусть в следующий раз придёт в джинсах? Уж больно соблазнительны ножки, отвлекают. А вот интересно, ежели попросить её снять платье, она выполнит просьбу? И какое на ней бельё и есть ли оно вообще? Так, Дёма, отставить пошлые мысли, ты микнс не для этого включал. Ну почему сразу пошлые? Нормальные мужские мысли. Кстати, надо будет как-нибудь поэкспериментировать, должен ведь я знать, на что эта лируллийская компьютерная чудо-программа способна, а на что нет. И не только в эротическом плане. Точнее, в первую очередь не в эротическом.

– Нормально, – сказал я, наконец, отводя глаза от её гладких загорелых ног (какие, к чёрту, джинсы – только платье! Отныне и навсегда). – Главное, чтобы тебе было удобно.

– Нет, – улыбнулась она. – Главное, чтобы было удобно тебе, потому что мне удобно всегда. Но ты не ответил на мой вопрос. Как мне к тебе обращаться?

Надо же, какая продвинутая программа. Чистая мечта с элементами искусственного интеллекта, как, впрочем, и было сказано.

– А как бы тебе хотелось?

– Я хочу быть тебе другом, поэтому меня устраивает Дёма. Можно?

– Да. Можно.

– Хорошо. Так чем я могу тебе помочь, Дёма?

Правильный вопрос. А чего я хотел, действительно? Не просто же на неё посмотреть и провести время в приятной беседе! А, вспомнил...

– Скажи, Лера, а как я могу прослушать или прочитать инструкцию по внедрению в ряды каравос Раво, оставленную мне Марком? – я чуть подумал и пояснил: – Марк – это лируллиец, который дал мне микнс и показал как им пользоваться.

– Я знаю Марка, – кивнула она. – Как тебе удобнее, мне её прочитать или пусть это сделает сам Марк? У меня есть запись. Могу также вывести текст на экран.

– Давай запись с Марком, – сказал я и, не удержавшись, добавил: – О сугубо мужских делах лучше узнавать от мужчины, а то коленки у тебя уж больно красивые, боюсь отвлечься и пропустить что-нибудь важное.

Лера весело засмеялась, откинув голову, и я подумал, что с такой компьютерной программой точно сработаюсь – она мне подходит по всем параметрам.

Глава 8

Когда я закончил и выключил микнс, было около десяти часов вечера. Нужно было как следует обдумать полученные от Марка инструкции и выработать план действий на ближайшие дни, поэтому я обулся, рассовал по карманам куртки сигареты, зажигалку, мобильник и вышел из дома.

Лучше всего мне думается и мечтается во время ходьбы.

Особенно ходьбы на свежем воздухе.

И не с какой-то там конкретной целью, вроде похода в магазин или по каким-то другим делам, а просто так.

Кажется, подобное времяпрепровождение называется прогулкой.

Шучу, ясен день, кто ж не знает, что такое прогулка, но, если подумать, и не совсем шучу. Потому что в наше время искусство прогулки, как мне кажется, во многом утрачено. Во всяком случае, искусство прогулки в одиночестве и моим поколением – теми, кому больше двадцати, но и тридцатник исполнится не завтра. Какие, на фиг, прогулки в одиночестве? Мы гуляем по Сети, а над серьёзными проблемами размышляем в ванной или, на худой конец, по дороге из дома на работу – учёбу. Если вообще размышляем. Очень может быть, что я ошибаюсь и гребу всех под одну гребёнку, но среди моих знакомых и друзей-ровесников, насколько мне известно, я один такой любитель. И ещё очень может быть, что это просто возрастное. Доживёт моё поколение до пятидесяти или уж не знаю до каких необходимых лет и будет себе гулять на свежем воздухе как миленькое. В одиночестве.

Когда ты четверть века прожил в одном городе, к тому же не самом большом из тех, что разбросаны по просторам нашей необъятной Родины, то знаешь его наизусть. Весь – от центральной площади или проспекта до самого задрипанного окраинного пустыря. Подозреваю, что данное соображение, равно как и предыдущее, насчёт прогулок, относится не ко всем человеческим существам. Наверняка есть и такие, что дальше своих улиц десятилетиями и носа не кажут, но я сейчас говорю о нормальных людях – в меру подвижных и любознательных.

Я свой город знал очень хорошо. Включая и этот район, в котором снял квартиру. Поэтому, выйдя из дома, сразу повернул налево, пересёк оживлённую улицу имени одного из партийных деятелей времён революции и Гражданской войны и направился вниз, к реке. Набережная – отличное место для прогулок. Но прежде чем на неё выбраться, мне нужно было пройти двумя переулками. Довольно тёмными в это время года и суток. Впрочем, не думаю, что будь они освещены лучше, я рассказывал бы сейчас другую историю.

Свет фар сплясал короткий танец на стенах домов, прошуршали шины, чуть впереди меня, прижимаясь вплотную к тротуару, затормозила машина, и оттуда вышли двое мужчин. Высокие, плотные, они тут же заняли собой весь тротуар, перегораживая мне проход – так, что я невольно остановился.

Эге, а машина-то – джип. И, кажется, чёрный.

Слепящий луч галогенного фонарика ударил мне в лицо.

– Воробьёв?

– Какого хера? Убери свет, ты, мудрила с Нижнего Тагила! – когда я попадаю в ситуацию, из которой нет заметного сразу выхода, то обычно становлюсь наглым и отчаянно лезу на рожон. Иногда помогает.

Но не в этот раз.

Меня крепко ухватили под локти, нагнули голову и сунули в машину на заднее сиденье. Джип тут же тронулся и свернул в ближайший переулок.

– Эй, что происходит? Похищение человека, между прочим, у нас в стране уголовно наказуемое деяние, если вы не знали...

– Молчи, человек, – властно посоветовали мне с переднего сиденья. – Целее будешь. Ну-ка общите его.

«Паспорта я с собой не ношу, – подумал я. – Это хорошо. Но кроме паспорта...»

Чужие руки полезли мне в карманы, извлекли мобильник и портмоне. С небольшим количеством наличных и банковской карточкой.

Вот, чёрт, если догадаться посмотреть...

Они догадались.

Снова вспыхнул фонарик, и один из двух громил, держа перед глазами мою банковскую карточку, прочёл вслух:

– Дементий Воробьёв. Ха! Это он. Да я и не сомневался.

– Но проверить было нужно, – сообщил всё тот же голос с переднего сиденья. Чувствовался в нём какой-то слабоуловимый акцент, происхождение которого я не мог определить. – Нам ошибки не нужны. Верно, Дёма?

Сказать, что это не моё портмоне? Глупо. По всему видно, что эти ребята настроены довести начатое дело до конца. Знать бы ещё, какой именно конец предполагается. Неужто последний и окончательный? Не хотелось бы верить. Верить не хотелось бы. Но всё может быть. Спокойно, Дёма, дружок, спокойно. Мыслить будем быстро, но продуктивно. И, наоборот, продуктивно, но быстро. Значит, что? Значит, Дёма, остаётся пока одно – постараться использовать известный принцип джиу-джитсу: «Поддаться, чтобы победить». Ты по-любому поддаться был должен. Не так явно, но всё-таки. А здесь – вот оно, тебя они сами вычислили. Трудности первого знакомства преодолены. Остались пустяки – выяснить, в какую сторону оно будет развиваться дальше. И как это выяснить? Обычно люди что-либо выясняют, задавая вопросы и получая на них ответы. Надо попробовать. Тем более, мне самому задали вопрос, а я не ответил. Невжливо.

– Что молчишь? – поинтересовались с переднего сиденья. – Обо...лся? Не бойся. Мы тебя не больно зарежем.

Громилы по бокам заржали.

Нет, вряд ли это сами каравос Раво. Скорее, нанятые бандиты. С какой стати инопланетянам цитировать наши старые телефильмы, пусть даже и популярные? Хотя всё может быть, судя по тому, как плотно, оказывается, представители иных цивилизаций окопались на нашей планете.

– Вас не поймёшь, – сказал я. – То молчи, чтобы целее быть, то не молчи. Вы уж определитесь.

– Хамишь?

– Никоим образом. Просто стараюсь выжить. Как вы меня нашли? По скутеру?

– Нетрудно догадаться.

Н-да, надо было всё-таки купить такой же скутер и оставить его в гараже дяди Юры. Но кто ж знал? Во вторник я посчитал такой ход неверным. Ошибся, бывает. Так, а куда это мы едем? Ага, мост проскочили и уже на другом берегу Бобровой. Поворот, ещё поворот. Глаза мне не завязали, однако. Плохой признак. Или, наоборот, хороший? Хрен поймёшь, пока точно не узнаешь. Интересно, долго ещё? Не молчи, Дёма, спроси у них ещё что-нибудь. Только не о том, что они собираются со мной делать. Это слабость, а со слабыми разговаривать – себя не уважать. По их понятиям, ясен день. Надо бы что-то нейтральное. Например, поинтересоваться, с кем я имею дело.

Но задать вопрос я не успел. Джип сбросил скорость и остановился. Меня вытащили из машины и провели под арку старого трёхэтажного дома. Двое по бокам и обладатель властного голоса позади. Эх, хоть бы кто-то навстречу. Нет, ни души. Оно и понятно, райончик здесь малолюдный, развлекательных заведений и ночных магазинов практически нет, да и время позднее. К тому же, кажется, дождик начал моросить. Точно, дождик.

Вчетвером мы пересекли двор (два светящихся окна, одно на втором этаже и другое на третьем – и всё) и спустились по трём ступенькам к полуподвальной двери. Владелец властного голоса протиснулся вперёд, отворил дверь ключом, и меня втолкнули внутрь. Быстро провели сквозь полутёмную большую прихожую (я лишь успел с некоторым удивлением отметить наличие в ней газовой плиты и раковины с древним медным краном), ещё одна дверь, и вот я уже в просторной, ярко освещённой и скудно обставленной комнате. Бегло осматриваюсь.

Прямо передо мной – обычный офисный стол с плоским монитором на нём. Левее, у стены, – кресло, вызывающее не слишком приятные ассоциации, ибо чем-то напоминает то ли зубо врачебное, то ли косметическое (в последнем ни разу не сидел, но в кино видел), то ли и вовсе какое-то специально-медицинское. Видно, что наклон спинки у него регулируется, а на подлокотниках и внизу имеются захваты, явно предназначенные для рук и ног. Не говоря уже о коническом, сверкающем золотом в свете пятиламповой люстры шлеме, укрепленном сверху на спинке. Будто специально предназначенном для моей головы.

Нет, братцы, не нравится мне это кресло, что бы вы мне не говорили. Ох, не нравится. До такой степени ни нравится, что я с большим трудом отвожу от него глаза. Хотя особо глаза уже отводить и не на что. Плотные жалюзи на окнах. Чистенький ламинат на полу. Ещё одна дверь, видимо, в другую комнату. Квадратная дверца сейфа в стене. Всё. Не густо. Куда ж это я попал? На бандитскую малину не похоже. Но много ли я видел бандитских малин? Прямо скажем, ни одной. Кино и телевизор не считаются. Значит, всё-таки инопланетные контрабандисты каравос Раво? Очень может быть. Потому что больше и некому. На фиг я сдался обычным бандитам?

Тот, кто разговаривал со мной с переднего сиденья, прошёл в комнату, уселся за стол и окинул меня изучающим взглядом. А я – его.

У человека (человека ли?) оказались ярко-синие пронзительные глаза на смугловатом лице и угольно-чёрные блестящие прямые волосы, зачёсанные набок по моде пятидесятых годов прошлого века. А может, и сороковых, чёрт его знает. На вид ему можно дать лет тридцать пять или чуть больше. Одет в тёмно-серый хорошего покроя костюм и белую рубашку с расстегнутым воротом. Галстук отсутствовал. На безымянном пальце правой руки я заметил массивный – золотой на вид – перстень с камнем ярко-красного отлива.

«Надо же, – подумал я, – контраст прямо классический – чёрные волосы, смугловатая кожа и ярко-синие глаза. Ален Делон хренов. Хотя нет, у Делона глаза ближе к серому цвету. Кажется. Не помню, ёжик в тумане. Ну и бог с ним. Нет, дружок, взгляд я не отведу, не дождёшься».

– Свободны, – негромко произнёс человек моей охране. – Дальше мы сами.

Двое громил молча исчезли за дверью (хорошо вышколены, однако!), и мы остались одни.

Я похлопал себя по карманам и обнаружил, что вместе с бумажником и мобильным телефоном при обыске у меня забрали и сигареты с зажигалкой.

– Отбирать сигареты – это уже полное свинство, – сообщил я. – Дайте закурить, что ли.

– Здесь не курят.

– А что здесь делают? Убирают нежелательных свидетелей? Учтите, что мне совершенно до фонаря, чем вы занимаетесь на моей планете. Хотя всё это страшно интересно, не скрою. Я человек любопытный. Между прочим, как вас зовут? А то неудобно общаться.

– Моё имя тебе вряд ли понадобится. Особенно с учётом того, что ты упомянул свою планету.

– Вряд ли – это уже обнадеживает. В этом есть вариативность. Вряд ли – значит, скорее всего, нет, но, при определённых условиях, может быть, и да. Вот мне и хотелось бы узнать побольше об этих условиях. В том смысле, что сейчас я о них вообще ничего не знаю. Что же касается упоминания моей планеты, то, согласитесь, нетрудно догадаться о том, что в дело замешаны инопланетяне, когда раненый человек на твоих глазах превращается в дерево, а

потом опять в человека. Я, знаете ли, привык доверять своим глазам и был в тот день не пьян. Ну разве что немного пива, так это...

– Много болтаешь, – прервал меня черноволосый. – Боишься?

– А вы бы не боялись на моём месте? Конечно, боюсь! Дали бы выпить, что ли, раз уж курить нельзя. Изверги.

Он засмеялся неожиданно весёлым и даже каким-то беззаботным смехом.

– Да ты и правда нахал! Это мне нравится, не скрою.

Открыл ящик стола, достал оттуда початую бутылку коньяка и стакан, плеснул в него на два пальца и пододвинул стакан к краю стола:

– Пей.

Я подошёл, взял стакан, понюхал. Кажется, и впрямь коньяк.

– Ну, – провозгласил, – за знакомство. А также дружбу и сотрудничество между инопланетными народами.

Выпил, поставил стакан, перевёл дух. Эх, сигаретку бы. Ладно, потерпим, не впервой. Нет, ну что за дела? Как инопланетянин, так обязательно некурящий. Неужели придётся бросать? Странная мысль. Ты сначала ситуацию под контроль возьми, а уж потом думай о том, что тебе бросать, а что, наоборот, придётся начинать. Плохо всё-таки, что я стою, а он сидит. Погоди, как он сказал, ему нравится моё нахальство? Очень хорошо, продолжим в том же духе.

– Можно я сяду? – осведомился я и, не дожидаясь ответа, прошёл к зубоврачебно-косметическому креслу и уселся на него боком. – Спасибо. В ногах-то правды нет, как говорится.

– Ну-ну, – неопределённо заметил мой визави, налил себе в тот же стакан коньяка, выпил и сказал: – Ладно, считай, что убедил. Рассказывай.

– В чём убедил и что рассказывать? – спросил я.

– Убедил, что сразу тебя убивать не стоит. И даже в том, что можешь пригодиться. Вот об этом и рассказывай. С самого начала. Как попал в воскресенье на реку, что было потом, – всё.

– Ага, – начал я воодушевлённо. – Значит, дело было так...

– Погоди, – остановил меня он. – Сначала ляг в кресло и надень этот шлем.

– Вот этот золотой колпак?

– Да.

– Он что, правда золотой?

– Это не важно. Но – да, правда. Покрыт тонким слоем золота.

– Зачем?

– Что «зачем»?

– Зачем мне его надевать? Но про золото тоже интересно.

– Затем, чтобы я знал, правду ты говоришь или врёшь. Заодно я проверю кое-какие параметры твоего мозга. На предмет возможного сотрудничества. И учти, согласия твоего никто не спрашивает. Это обязательная процедура, раз уж ты здесь и до сих пор жив.

Вот он, момент истины.

Нет, ну надо же. Лируллийцы какие-то параметры с меня снимали, и эти туда же. Так, Дёма, сейчас мы и поглядим, насколько хороши твои актёрские способности, а также умеют каравос Раво стопроцентно отличать человеческую правду от лжи с помощью специальных устройств (а равно и без них) или нет.

Будем надеяться, что всё-таки нет.

То есть надеяться будем на то, что лируллиец Марк не ошибся, когда рассказывал мне об отсутствии у инопланетных контрабандистов подобных технологий и неумении их, например, загипнотизировать человека. Или подчинить его своей воле с помощью, опять же, специальных устройств или химических препаратов. Хотя есть тут странность. Сны человеческие они записывать и транслировать, понимаете ли, научились, а вот подавлять человеческую волю – нет. Впрочем, даже я, совсем не специалист, понимаю, что наша воля – штука удивительно

непредсказуемая. Мы и сами-то в ней разобраться не можем, куда уж инопланетянам, пусть и ушедшим далеко вперёд по пути технического прогресса! К тому же, если как следует подумать, то, может быть, как раз никакой странности и нет. От той же, находящейся в микнсе замечательной программы по имени Лера я не далее как пару часов назад узнал, что пристальному интересу каравос Раво к Земле не более трёх лет. До этого нашу планету изредка посещали разведчики-исследователи от некоторых высокоразвитых рас, входящих в Галактическое Сообщество. И это всё. Значит, инопланетяне могли и не заниматься вплотную методами воздействия на человеческую психику. Зачем это было им нужно? Разведчики-исследователи руководствуются специальным Кодексом, категорически запрещающим любое серьёзное вмешательство как в общественную, так и в личную жизнь аборигенов. Контрабандистов же интересуют только наши сновидения. А для того, чтобы их получить-записать, не требуется как-то специально возбуждать, тормозить или тормозить нашу психику. Если, разумеется, не иметь в виду сновидения, например, алкогольные или наркотические, а также посталкогольные и постнаркотические, но это уже совершенно иной разговор и расклад.

Все эти сумбурные мысли успели вспыхнуть и погаснуть в моём возбуждённом мозгу, пока я устраивался в кресле и напяливал на голову золотой шлем.

– Надеюсь, больно не будет? – осведомился, как мне показалось, шутливым тоном у черноволосого.

– Только, если соврётся, – ответил тот, и я так и не понял, шутит он или нет.

Подобная ситуация была предусмотрена инструкцией. И выход из неё предполагался соответствующий: максимум правды, искреннее желание сотрудничать.

Да, я и впрямь был на реке в воскресенье и стал свидетелем того, как какие-то люди появились на другом берегу, возле старого песчаного карьера на двух джипах, расстреляли там, на краю обрыва, человека и уехали. Но человек оказался жив, пришёл в себя, переплыл реку и попросил у меня помощи...

Я рассказал обо всём: как человек превратился в дерево (или во что-то очень похожее на дерево), а затем опять в человека; как вернулись убийцы, и нам пришлось спасаться бегством на моём скутере; как нас почти догнали и чуть не застрелили в лесу, недалеко от деревни Гратово; как охотничий домик на поляне оказался тщательно замаскированным космическим кораблём, и я в результате попал на Луну, на базу, она же межзвёздный корабль лируллийцев, где был благополучно вылечен, а затем возвращён на Землю.

– Сам не понимаю, отчего мне не стёрли память, – закончил я повествование. – Ещё и денег дали. Как объяснили, в качестве компенсации за причинённые неудобства. И в благодарность за то, что я спас их товарища. Сказали, если б не я, он бы точно погиб.

– И много денег?

– Если честно, могли бы и больше, – произнес я с чувством (играй, Дёма, играй, будь предельно искренен и эмоционален!). – За такие-то мои труды! Не каждый день инопланетянина от смерти спасаешь, рискуя своей жизнью. Что такое сто пятьдесят тысяч? Ну, снял я квартиру, да. Куплю ещё кое-что себе и родственникам. Сеструха-то у меня третьего ребёнка ждёт, деньги по-любому нужны. Погуляю с друзьями и девчонками. Но надолго этих бабок не хватит, сами понимаете. Полгода максимум. Да и то, если растягивать. Про машину или мотоцикл приличный я уж и не говорю. Да что там машина! Могли бы хоть тысяч тридцать-сорок в качестве компенсации за угробленный скутер подкинуть. Скутер у меня хороший был, надёжный, обкатанный. И где он теперь? В общем, жмоты они оказались, эти ваши лируллийцы. Обиделся я на них, если уж совсем правду говорить.

– Они не мои. А жмоты – да. Жмоты и суки неблагодарные. Как и все менты во всей обитаемой Вселенной. Тебе известно, что они менты?

– Менты?! – кажется, изумление у меня получилось предельно искренним. Аж самому понравилось. – Какие ещё менты, ёжик в тумане?

– Кто это – ёжик в тумане? – опешил черноволосый. Мне показалось, что в его синих глазах мелькнула растерянность пополам с зарождающимся гневом. – Это ты меня ёжиком в тумане назвал?!

– Не обращайтесь внимания, присказка у меня такая в минуту э... сильного удивления, – поспешно объяснил я. – Кто-то чертыхается, кто-то матерится, а я, бывает, поминаю ёжика в тумане. Был такой мультик... впрочем, не важно. Вы сказали про ментов, вот у меня и вырвалось. Непроизвольно.

– Ясно, учту. Ёжик в тумане, значит. Интересно. Надо будет как-нибудь посмотреть этот мультик. А менты не ваши, разумеется, галактические. Они разве не говорили?

– Нет. Сказали, что между ними и вами имеются кое-какие и даже весьма серьёзные разногласия, но это и всё. Суть этих разногласий не разъяснили. Сказали, это мне не нужно.

– А ты сам как считаешь, тебе это нужно или нет?

– Хе! Вопрос интересный и непростой. В двух словах не ответишь, пожалуй.

– Ничего, отвечай не в двух. Времени у нас полно.

– Как человеку, мне, конечно, очень интересно, что на моей планете делают и делят инопланетяне. Чисто из любопытства. А как конкретному человеку по имени Дементий Сергеевич Воробьёв ещё и хотелось бы в этом как-то поучаствовать.

– Так-так. Поучаствовать, значит. Это в каком же смысле?

– Ну как в каком. В смысле товарно-денежных отношений. Вы ж у нас тут, на Земле, не просто так сидите, верно? Что-то вам нужно. Так, может быть, я могу помочь это нужное достать? Парень я сообразительный, работы никакой не боюсь. Не бескорыстно, ясен день. Мои услуги за ваши деньги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.